

4-37
201852

4721

САРАТОВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ
СЪ
ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
до конца XVII вѣка.

Съ рисункомъ стараго Саратова Отсарія.

В. В. Чкалина.

ц. 50 коп.

САРАТОВЪ.

Первая печатня при Саратовскомъ Университетѣ.

1892.

15

28

САРАТОВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ.

Соч. **Е. Е. Чекалина.**

Рис. Саратова, изданный Оleariемъ въ 1663 г.

201852.

АРХИВЪ ИД 48 г.

САРАТОВСКОЕ НОВОЛѢЖЬЕ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

до конца XVII вѣка.

Съ рисункомъ стараго Саратова Олсари.

Е. Е. Чкалина.

ц. 50 коп.

САРАТОВЪ.

Издательство Губернскаго Училища

1892

САРАТОВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ

съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII-го вѣка.

I.

Саратовское Поволжье, занимая обширное пространство по обѣимъ сторонамъ Волги, отъ самарской луки до поворота рѣки къ Каспійскому морю, на протяженіи 600 верстъ по меридіану и находясь сѣвѣрною своею частию на самомъ возвышенномъ среди внутренней равнины Россіи Верхне-Сурскомъ плоскогорьѣ и на южномъ скловѣ Общакъ Сырта, южною же частию примыкая къ Арало-Каспійской низменности, представляетъ въ себѣ полное разнообразіе климата, почвъ и произведеній, совершенно измѣняющихъ общій физико-географическій характеръ мѣстности на крайнихъ по меридіану пунктахъ этого пространства. Восточная сторона его, или Заволжье, въ свою очередь рѣзко отличается своимъ типичнымъ степнымъ характеромъ отъ западной, или нагорной стороны.

Какъ сохранившіеся до насъ вещественные памятники быта, такъ и несомнѣнный историческія указанія единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что Саратовское Поволжье, начиная съ глубокой древности, было обитасмо различными народами сообразно характеру мѣстности его различныхъ частей. Судя по находкамъ каменныхъ орудій, наприм. въ Кузнецкомъ и Цари-

цынскомъ уѣздахъ ¹⁾ оно уже въ эпоху мамонта и сибирскаго носорога было обитаяемо человекомъ. Древнѣйшее изъ письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ объ обитателяхъ нашего Поволжья принадлежатъ Геродоту, заставшему здѣсь въ 5-мъ вѣкѣ до Р. Хр. уже культуру жетѣльнаго вѣка.

Что касается племенного состава современныхъ Геродоту обитателей Поволжья, то вопросъ объ этомъ до сихъ поръ еще оставался открытымъ. Ибо въ томъ, что отецъ исторіи, описывая Скию и смежныя съ нею страны и къ великому сожалѣнію вовсе не зная о существованіи рѣки Волги, или же имѣя о ней крайне смутное понятіе, не далъ точныхъ указаній о границахъ расселенія перешеленныхъ имъ восточныхъ сосѣдей Скии: послѣдующіе же за нимъ писатели и такіе авторитеты въ наукѣ, какъ Страбонъ (1 в. по Р. Хр.), Тацитъ (также), Итолоіей (2 в. по Р. Хр.) и др. населяли страны, описанныя Геродотомъ, народами очень часто другихъ наименованій, народовъ же съ его именами переселяли въ другія мѣста. Не давъ въ свою очередь точныхъ указаній по этому предмету и представивъ массу противорѣчій другъ другу, эти авторитеты, несмотря на то, что Геродотъ писалъ о Скии и смежныхъ съ нею странахъ въ качествѣ очевидца или же со словъ очевидцевъ-путешественниковъ, надолго вкоренили въ наукѣ сомнѣніе къ его безыскусственному разсказу и вызвали цѣлый рядъ самыхъ кровотливыхъ изысканій, не приведшихъ почти ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ и заставившихъ въ концѣ концовъ (наприм., Костомарова) совершенно отказаться отъ надежды прійти къ какому-либо точному разрѣшенію занимающаго насъ вопроса. Только въ недавнее, сравнительно, время, благодаря многочисленнымъ археологическимъ изысканіямъ на Востокѣ и у насъ въ области древней Скии (И. Е. Забѣлина и др.), подтверждавшимъ иногда до мельчайшихъ подробностейъ разсказъ Геродота, довѣріе къ нему было установлено на прочныхъ основаніяхъ, въ особенности же

¹⁾ «Археология Россіи», гр. Уварова, 1881 г. Гора до ольѣе находилась въ каменныхъ орудіи сделано въ сосѣднихъ Сибирской и Пензенской губ. и въ области Волска Донского.

къ разсказу его о Скиѣи, которую онъ, безъ всякаго сомнѣнія, посѣтилъ самолично, вѣроятно, ради торговыхъ цѣлей *).

Оговорившись о значеніи Геродота въ древней исторіографіи, я приведу изъ его „Исторіи“ въ послѣднемъ переводѣ съ греческаго я. проф. Мищенко (т. I) все то, что имѣеть отношеніе къ исторіи Саратовскаго Поволжья, по возможности словами самого автора. Въ 4-ой книгѣ своего труда онъ описываетъ сначала довольно подробно и часто съ точностью наблюдателя-очевидца современную ему Скиѣю, — страну, населенную различными народами скиѣскаго племени, вытѣсненными изъ нея древнѣйшихъ ея обитателей Гиммерійцевъ; положеніе ея онъ опредѣляетъ по Черному и Азовскому морьямъ, между устьями Истра (Дунай) и Танаиса (Доня), въ видѣ четырехъугольника, простирающагося къ сѣверу отъ моря на 20 дней пути (670 верстъ); восточную часть этого четырехъугольника онъ населяетъ господствующими численною и воинственностью Царскими Скиѣями — едиными степными кочевниками, — властвовавшими въ Скиѣи. Обращаясь къ ея восточнымъ сосѣдямъ, Геродотъ говоритъ, что по ту сторону Танаиса (т. е. къ востоку) нѣтъ болѣе Скиѣи: первая изъ тамошнихъ областей принадлежитъ *Савроматамъ* (Сарматамъ), которые занимаютъ пространство въ 12 дней пути (около 500 вер. по его исчисленію), начиная отъ рта Меотійскаго озера (Азовскаго моря) по направленію къ сѣверу. Вся эта страна лишена дикихъ и садовыхъ деревьевъ. Надъ Савроматами живутъ *Будиновы*, занимающіе второй участокъ земли, весь покрытый густымъ разнороднымъ лѣсомъ (гл. 21). Выше Будиновъ, къ сѣверу отъ нихъ, лежитъ, прежде всего, пустыня на протяжении 7 дней пути, а за пустынею болѣе въ восточномъ направленіи, живутъ *Фиссагеты*, народъ богатый и многочисленный, въ землѣ которыхъ берутъ начало 4 большихъ рѣки, изливающихся въ т. н. море Меотиду: Лѣкъ, Оаръ (Волга), Танаисъ и Сигривъ (гл. 22 и 12).

Савроматовъ, говорящихъ на испорченномъ скиѣскомъ языкѣ, Геродотъ относитъ къ скиѣскому же племени и выдѣляетъ

*) Предисл. ко II-му т. «Исторіи Геродота» профессора Мищенко, 1886 г.

изъ Сквои лишь потому, что въ политическомъ отношеніи они были независимы отъ Царскихъ Скивоовъ и имѣли особыхъ царей. Въ образѣ жизни Сарматовъ отличались отъ Скивоовъ только тѣмъ, что женщины нѣтъ были такъ же воинственны и одѣвались такъ же, какъ и мужчины¹⁾; Сквои же, по Геродоту, „не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, но передвигаютъ свои жилища съ собою, и всѣ—конные стрѣлки изъ луковъ: пропитаніе они себѣ добываютъ не земледѣльствомъ, а скотоводствомъ и жилища свои устраиваютъ на повозкахъ“. Последъ Геродота въ 4-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Сарматы, состоявшіе въ свою очередь изъ разныхъ родственныхъ между собою народовъ (Аланы, Роксоланы, Гавросквои и проч.), покоривъ Царскихъ Скивоовъ, подчинили себѣ всю Славю, раселились и сдѣлались въ ней народомъ господствующимъ, давшемъ и всей странѣ свое имя. Изъ ихъ языка получили свое названіе рѣки: Донъ, Дунай и, вѣроятно, Днѣпръ (донъ, дану — вода рѣка). Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ почитаютъ ихъ родоначальниками русскихъ Славянъ (напримѣръ, г. Иоганскій и Забѣлинъ производятъ послѣднихъ отъ Роксоланъ, жившихъ, по Страбону, между Дономъ и Днѣпромъ. П. Полевой и Самоквасовъ—отъ Сарматовъ вообще). Это, основанное на общемъ соображеніяхъ, заключеніе представлялось весьма вѣроятнымъ, но въ виду цѣлаго ряда весьма уѣднтельныхъ лингвистическихъ изысканій, сдѣланныхъ вновь въ послѣдніе годы проф. В. М. Миллеромъ и окончательно подтвердившихъ указанія его предшественниковъ оріенталистовъ Мюлленгофа и др., о весьма близкомъ родствѣ языка Сарматовъ съ древними иранскими нарѣчіями и въ особенности съ нынѣшнимъ ихъ представителемъ—языкомъ Осетинъ, намъ приходится отказаться отъ этого заключенія и отнести Сарматовъ (и частію Скивоовъ) къ иранской или индо-европейской семьѣ²⁾.

¹⁾ Одежду которыхъ составляли, по словамъ Геродота, шлемы, плащи безъ рукавовъ, открытыя сзади и державшіеся на плечахъ посредствомъ эстафетъ, и шаровары.

²⁾ На древн. иранскомъ языкѣ

Эпиграфическіе слѣды иранскаго языка въ Россіи, В. М. Миллеръ въ журн. «М. Н. Пр.» 1886 г., № X и того же «Осетинскіе этюды», ч. III, 1887 г.

„Будины, говоритъ Геродотъ.—народъ многолюдный, съ голубыми глазами и съ рыжими волосами. Въ землѣ ихъ есть деревянный городъ по имени Гелонъ. Каждая сторона городской стѣны имѣетъ въ длину 30 стадій (5 вер.) стѣна высокая все изъ дерева равно какъ и дома и храмы Будинновъ. Тамъ есть святилища сллинскихъ (греческихъ) божествъ съ кумирнями, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Дювса (Вахуса) устраиваются тамъ каждые два года празднества съ оргіями. Первоначально Гелоны были тѣ же Еллины, уталившіеся изъ торговыхъ городовъ (греческихъ колоній по Черному морю) и поселившіеся среди Будинновъ. Одни изъ нихъ говорятъ на еллевскомъ языкѣ, другіе — на еллинскомъ. Хотя Будины ведутъ такой же образъ жизни, какъ и Гелоны, но говорятъ на языкѣ особомъ“ (гл. 108). „Будины—туземцы въ этой странѣ ведутъ кочевой образъ жизни и одни изъ тамошнихъ народовъ питаются сосновыми шишками: Гелоны, напротивъ, —земледѣльцы, употребляютъ въ пищу хлѣбъ, занимаются садоводствомъ. Впрочемъ, у Еллиновъ и Будины называются Гелонами, но это неправильно. Страна Будинновъ изобилуетъ разнообразными дѣсами“. Въ одномъ изъ нихъ есть большое озеро, въ которомъ Будины ловятъ выдръ, бобровъ и другихъ животныхъ (гл. 109). Черезъ землю Будинновъ проходитъ торговый путь изъ греческихъ колоній къ Урагу и Атаю.

Приведенныя выше топографическія указанія Геродота о поселеніяхъ Будинновъ и ихъ сосѣдей приводятъ къ несомнѣнному заключенію о томъ, что въ то время Сарматы обитали съ восточной стороны нижней половины течения Дона, въ нынѣшней области Войска Донскаго, и въ южной части Саратовской губ., и достигали, вѣроятно, на югѣ Кубани и на востокѣ Каспійскаго моря: Будины же и Гелоны—въ сѣверной части Саратовской и въ смежныхъ здѣсь съ нею губерніяхъ не переходя, вѣроятно, къ Волгѣ. Это заключеніе подтверждается тѣмъ, что физико-географическія условія Саратовской губ. съ нимъ вполнѣ совпадаютъ: и теперь еще все обширное пространство этой губерніи по длинѣ ея, на протяженіи 600 верстъ, рѣзко раздѣляется на двѣ части, постепенно переходящія на серединѣ ея другъ

въ друга — южную белѣсную, примыкающую къ степямъ юго-восточной Россіи, и сѣверную, обильную сосновыми и лиственничными („разнородными“, по Геродоту) дѣсами, примыкающую къ дѣсной площади средняго Поволжья. Малочисленное сравнительно съ Будивами и жившее съ ними племя Гелонцовъ, какъ земледѣльцевъ и садоводовъ, обитало, по всей вѣроятности, въ средней части нашего края именно по берегу Волги, отличающемуся гораздо болѣе мягкимъ климатомъ и благопріятствующему разведенію пшеницы, садоводству и бахчеводству. Извѣстный археологъ И. Е. Забѣлинъ предполагаетъ, что городъ Гелонъ находился на мѣстѣ, гдѣ теперь, въ 13-мъ вѣкѣ по Р. Хр., возникъ татарскій городъ Укель и что имя Елань, подъ которымъ встрѣчаются рѣчки и друг. урочища въ Саратовской, Пензенской, Тамбовской губ., судя по своему звучанію, ведетъ свое начало отъ обитавшихъ здѣсь некогда Гелонцовъ. Всѣ сдѣланныя до сихъ поръ находки древности въ Саратовскомъ Поволжьи не дали пока несомнѣнныхъ указаній о существованіи въ немъ греческой культуры и, можетъ быть, лишь болѣе тщательныя и глубокія раскопки въ развалинахъ Укели подтвердятъ ея существованіе. Греки, подобно языческимъ Славянамъ, сожигали своихъ покойниковъ. Что же касается топографическаго термина *елань*, то онъ, подобно многимъ другимъ, принадлежитъ турецко-татарскимъ нарѣчіямъ, изъ которыхъ, напримѣръ въ ашкѣракомъ, до сихъ поръ сохранилось слово „еланъ“ — долина, низменное мѣсто.

Сарматы, Будины и Гелоны участвовали вмѣстѣ со Скивами, въ половинѣ 6-го вѣка до Р. Хр. въ оборонительной войнѣ противъ персидскаго царя Дарія Гистаспа. Последний, пройдя Скивію, вторгнулся въ страну Будиновъ, сжегъ деревянный городъ Гелонъ, затѣмъ направился къ сѣверу въ пустыню, что находилась за этой страной, и здѣсь, основавшись станомъ на рѣкѣ Оарѣ, занялся постройкою весьма обширнаго укрѣпленія: между тѣмъ какъ преслѣдуемые имъ обитатели страны направились въ Скивію сѣвернымъ, окруженнымъ путемъ, и онъ, потерявъ

ихъ изъ вѣда и не окончивъ начатаго укрѣпленія, возвратился назадъ безъ всякаго успѣха (гл. 123 и 124).

Приведенными изъвлеченіями изъ исторіи Геродота исчерпываются всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя с древнѣйшихъ обитателяхъ нашего края, несомнѣнно добытыя изъ божіе или менѣе близкаго знакомства съ ними на мѣстѣ отцомъ исторіи, умершимъ около 425-го г. до Р. Хр.

Послѣдующіе писатели классической древности въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ и компіляціяхъ не только не дополнили извѣстій Геродота по этому вопросу, но и самъ упомянуто выше, массою неопредѣленныхъ и противорѣчивыхъ другъ другу указаній совершенно затемнили его разрѣшеніе. Знаменитый греческій географъ 1-го вѣка до Р. Хр. Страбонъ откровенно сознается, что выше утѣсъ Тапанда, по причинѣ холода и бѣдности жителей, обитаютъ лишь небольшая часть рѣки. Многочисленные и сильные кочевники закрываютъ иностранцамъ доступъ въ тѣ части той страны, которыя могли бы быть доступны, или доступъ къ рѣкамъ, дозволяющимъ плаваніе вверхъ *. На р. Тапандѣ находится городъ того же имени и служитъ мѣстомъ обмѣна товаровъ для кочевниковъ и народовъ, прибывающихъ туда на судахъ изъ Веспора; первые доставляютъ рабовъ, кожи и проч., вторые же — платятъ вино и другіе предметы собственныя жизни людей орошенныхъ (географія Страбона кн. XI, гл. 2).

Волга впервые сдѣлалась несомнѣнно извѣстной лишь знаменитому греческому же географу конца 2-го вѣка Птоломеевъ, который упоминаетъ о ней подъ ея древнѣйшимъ названіемъ *Ра*, сохранившимся и до нашихъ дней въ нѣсколько империозомъ видѣ въ языкѣ мордвы (Рау или Рафсъ въ языкѣ сибирск. и Мокши), и говорить, что она вытекаетъ изъ Гиперборейскихъ (т. е. Уральскихъ) горъ въ Каспійскому морю и приближается къ изгубу Дона. Римскій историкъ конца 4-го вѣка Марке тинъ

*) Волга еще менѣе была извѣстна Страбону, и, по тому, мѣстный писатель г. Краснодубровскій напрасно, ссылаясь на него, сдѣлалъ свои очевидныя заключенія о тогдашнихъ обитателяхъ Саратовскаго Поводья, Аорсахъ и др.

также называет ее этимъ именемъ и указываетъ на растущій по ея берегамъ лечебный корень ревеня, получившій отъ нея свое названіе. Имя Волги она получила отъ русскихъ Славянъ *.

Марселиномъ оканчивается рядъ писателей классическаго міра, оставившихъ извѣстія о нижнемъ Поволжьи. По своей отдаленности оно послѣ Геродота оставалось почти неизвѣстнымъ писателямъ этого міра, свѣдѣнія котораго о восточной Европѣ обыкновенно не простирались далѣе Дона, долго и потому почитавшагося границею между Европой и Азіей.

II.

И лишь въ средневѣковую эпоху, начиная съ 7-го или даже съ 10-го вѣка, появляются болѣе или менѣе достовѣрныя и обстоятельныя извѣстія о нижнемъ Поволжьи въ сохранившихся письменныхъ памятникахъ, въ дѣствіе основанія въ его сосѣдствѣ высоко-образованнаго арабскаго халифата въ Багдадѣ (въ 7-мъ в.) и Кіевскои Руси и возникновенія торговыхъ сношеній и непріязненныхъ столкновеній съ этими сосѣдями. Благодаря удобству воднаго сообщенія, своему образованію и торговой предприимчивости, арабы оставили намъ сравнительно богатую литературу по занимающему насъ вопросу. Изъ европейскихъ же писателей до13-го вѣка долженъ быть отмѣченъ нами лишь Константинъ Барбарородный, писатель 10-го вѣка, которому не менѣе арабовъ было извѣстно нижнее Поволжье.

Въ извѣстіяхъ писателей 10-го вѣка мы не находимъ древнѣйшихъ обитателей нашего Поволжья, современныхъ классической древности, и намъ остается лишь заключить что они или

*) Былевые имена: Большая Святославичъ, Большая—племянница Пеллидіра вел. князя и др.

являются подъ другими названіями у этихъ писателей. или же что всего вѣроятнѣе. судя по цѣлому ряду послѣдующихъ примѣровъ, покинути Поволжье. будучи вытѣснены новыми азиатскими пришельцами изъ Урала. На устьяхъ Волги съ 6-го вѣка по Р. Хр. возникло могущественное *Хазарское царство*. простиравшееся по берегу Каспійскаго моря отъ р. Урала до Кавказскихъ горъ. достигавшее на сѣверѣ по Волгѣ донскаго волока на западъ же Азовскаго моря в Таврѣды и населенное, по видимому, разноплеменными кочевыми народами. Его обширная и богатая столица, городъ Игътъ находился на Волгѣ близъ нын. Астрахани. Около 835-го года Хазарами былъ построенъ на Дону городъ *Саркытъ* (Бѣлая Вожа по рус. дѣтол., близъ нын. Качалинской станицы) въ качествѣ пограничной крѣпости въ огражденіе страны отъ нападени Печенѣговъ. Въ знаменитомъ походѣ по Волгѣ въ 964 и 965 гг. на Хазаръ. Ясовъ (Осетинъ) и Касоговъ (Черкесовъ) Святославъ разрушилъ гор. Саркытъ.

До конца 9-го вѣка къ сѣверу отъ Хазарскаго царства, по рѣкамъ Волгѣ и Яику, жили *Печенѣги*, которыхъ восточные писатели называютъ многочисленнымъ и сильнымъ воинственнымъ племенемъ горскихъ племёнъ и говорятъ, что они держали ихъ же обычаевъ и нравовъ, что и современные имъ Руссы: были богаты и имѣли множество скота, питались однимъ просомъ, жили въ повозкахъ—черехъугольныхъ ящикахъ на двухъ колесахъ, владѣли золотомъ и серебряною утварью, оружіемъ, богато украшенными поясами и знаменами на копьяхъ. Это былъ народъ великорослый, длиннобородый и усатый; отличный пафадникъ на коифъ и шумительный стрѣлокъ изъ лука. Печенѣги одѣвались въ короткіе кафтаны до колѣнъ безъ рукавовъ, а на войнѣ надѣвали кольчуги и шлемы; ихъ главнѣйшее оружіе составляли колчаны, наполненные стрѣлами, кривой лукъ въ надушь, висѣвшие съ боку и синовую на поясѣ, и трехгранный мечъ, или кинжалъ. При нападени испрятали они устраивали свой кочевой станъ—*вежу*, по-русски—въ видѣ городка или крѣпости, разставляя повозки кольцомъ и связывая ихъ другъ съ другомъ: внутри колпа изъ повозокъ устраивали косые проходы, куда скрывались лишь въ случаѣ опасности, или уходили для отдыха. По

однимъ писателямъ. Печенѣги сожигали своихъ побойниковъ, по другимъ, — хоронили вмѣстѣ съ оружіемъ, боевымъ конемъ и живыми пѣшечниками, а всего вѣроятнѣе оба обряда погребенія практиковались у нихъ одновременно. Печенѣги жили въ нашемъ Поволжьи около 200 лѣтъ и были вытѣснены въ 893-мъ году Узами и Хазарами за р. Донъ въ черноморскія степи.

По свидѣтельству араба Масуди, на перешейкѣ между Дономъ и Волгою въ 913-мъ году былъ расположенъ значительный отрядъ хазарскаго войска для защиты страны отъ обычныхъ нападений Руссовъ и Узовъ. Руссы совершали свои нападенія на хазарскую землю, поднимаясь по Дону водою и перетаскивая свои суда волокомъ въ Волгу; Узы же приходили зимовать къ этому волоку и совершали свои нападенія зимою. Отсюда слѣдуетъ заключить, что Узы или Торки нашихъ дѣтисей кочевали въ дѣтнее время гдѣ-либо на Дону выше волока. Константинъ Багрянородный опредѣляетъ ихъ область обитанія въ 5-ти дняхъ пути отъ черноморскихъ степей, занятыхъ въ его время Печенѣгами. Можетъ быть эти инородцы оставили по себѣ слѣды и въ нашемъ край въ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ, какъ наприм., рѣкъ Узы Тау, Лаурзы и г. под. Около половины 11-го вѣка Узы были вытѣснены изъ ихъ обиталищъ въ томъ же западномъ направленіи знаменитую въ исторіи своими оцѣтовскіями и дикостью рѣкою Цатовцево, или Команово, ближайшихъ современниковъ Печенѣгамъ.

Выше донскаго полога жили по Волгѣ *Буртасы*, представляющіе, судя по ихъ осѣдно-земледѣльческому быту, которымъ они отличались уже въ 10-мъ вѣкѣ между ихъ кочевыми сообщами древнѣйшими обитателями нашего Поволжья, по крайней мѣрѣ въ періодъ послѣ Р. Хр. Сообщаемыя о нихъ свѣдѣнія принадлежатъ почти исключительно восточнымъ писателямъ. Отдѣлныя съ помощью нашихъ ученыхъ ориенталистовъ, акад. Френъ и проф.

¹⁾ „Разыск. о началѣ Руси“ Иловайскаго, изд. 2-е, стр. 269 и слѣд.; „Ист. рус. жизни“, Забѣлина, г. II-й, 150—152; „Ибидь-Дугатъ“, Хвольсона, прим. 2-е; „Объ управленіи имперіей“ К. Багрянородскаго въ латинскомъ перев. (Вовинское изд.) — *Въ отличіе отъ торковъ, которыхъ именовали въ древности оружіемъ Руссовъ были обитатели степей.*

Хвольсона, первоисточники отъ многихъ, наполненныхъ искаженіями и ошибками, компиляцій. мы найдемъ, что самыя достовѣрныя свѣдѣнія о Буртасахъ, оставили намъ писатели 10-го вѣка: Ибнъ-Дустъ, Эль-Валхи и въ особенности Масуди — этотъ арабскій Геродотъ, уроженецъ Вагдада, посетившій весьма многія страны, въ числѣ коихъ и побережья Каспійскаго моря.

Сообщаемыя этими писателями свѣдѣнія о Буртасахъ можно представить въ слѣдующемъ общемъ видѣ. Страна Буртасовъ некогда находилась на правомъ берегу Волги, которая, судя по словамъ Масуди, и сама выше донскаго волока называлась Буртасомъ. Некоторые изъ русскихъ ученыхъ видѣли въ р. Буртасѣ Оду или даже Ирғизъ. Но изъ словъ Масуди ясно видно, что Итилъ или хазарская рѣка имѣла свое начало на донскомъ волокѣ, гдѣ она ирговье соединяется съ Чернымъ моремъ рукавомъ Нептасъ. Къ с. Дюпуть, в р. Буртасъ, по которой плавали болгарскія и хазарскія суда, впадала въ Итилъ выше города Итиля *). Страна Буртасовъ непосредственно примыкала къ Волгѣ между царствами Хазаровъ и Болгаровъ въ разстояніи 15—20 дней водяного пути отъ города Итиля, на устьѣ Волги и простиралась вверхъ по рѣкѣ на 15—17 дней пути и на такое же разстояніе отъ рѣки на западъ. Ученый компиляторъ 11-го вѣка Аль-Бекри расширяетъ это квадратное пространство буртаской области даже до полутора мѣсяца пути (отъ гор. Итиля до гор. Волгара арабскія суда поднимались по Волгѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ).

Буртасы принадлежали къ тюрскому племени, были многочисленны, говорили языкомъ, особымъ отъ Хазаровъ, Болгаръ и Руссовъ, и были стройны и красивы собою: будучи я мѣшканы, одни изъ нихъ сожигали своихъ покойниковъ, другіе же хоронили ихъ, всего же вѣроятно оба обряда погребенія существовали у нихъ одновременно **). Земля ихъ была просторна и обилвала

*) «Золотые вѣка» Масуди, въ перев. на франц. яз., Мейнара и Куртуа, т. 2-й, стр. 14—15-я. «Сказ. мусульм. писат.», Гаркави, стр. 130-я.

**) Покойный археологъ графъ А. С. Уваровъ считалъ этотъ двойной обрядъ погребенія покойниковъ съ насыпкою кургановъ надъ могилами

лѣсистыми мѣстами: между деревьями чаще всего встрѣчался хелевджъ (береза). Они строили деревянные дома и жили разсѣянно (вѣроятно, не имѣли ни городовъ, ни большихъ селеній). занимались хлѣбопашествомъ (по Алп-Бекри, имѣли обширныя пашни) скотоводствомъ и пчеловодствомъ: имѣли верблюдовъ, большія стада рогатого скота и множество ч. д. Но главное ихъ богатство составляли мѣха черныхъ и красивыхъ лисицъ, куницы и вообще пушныхъ звѣрей, для покупки которыхъ посѣщали ихъ восточные и болгарскіе купцы. буртасскіе дороги мѣха (черныя лисицы) уже въ 8-мъ вѣкѣ были извѣстны въ средней Азии. Буртасы находились въ подданствѣ хазарскаго царя, которому поставляли на службу 10 тысячъ воиновъ: мѣстные суды и расправа творились у нихъ старшинами, коихъ было по одному и по два въ каждомъ селеніи. На Буртасовъ дѣлали набѣги Болгары и увозили ихъ въ плѣнь, но и сами они, будучи сильны и храбры, нападали на Болгаръ и Печенѣговъ.

Проживая въ ту отдаленную эпоху, къ которой относятся эти свидѣтельства восточныхъ писателей, по Волгѣ на пространствахъ почти примыкавшемъ къ доискоmu волоку Буртасы вступали здѣсь то во враждебныя столкновенія, то въ дружескія отношенія съ Руссами, которые совершали опустошительныя походы на побережья Каспійскаго моря, направляясь въ судахъ *взъ Чернаго и Азовскаго морей по Дону (Нейгасъ), волоку и Волгѣ*. Такъ, наприм., въ 913-мъ году Руссы были побиты Буртасами на волокѣ при своемъ возвращеніи съ награбленной добычей съ Каспійскаго моря; въ 943-мъ году Буртасы, вмѣстѣ съ Руссами, уже въ качествѣ ихъ союзниковъ совершили морской походъ въ Берду на берегахъ р. Куръ¹⁰⁾. По свидѣтельству писавшаго въ 976-мъ году ученаго араба Ибнъ-Хаукаля, посѣтившаго, между прочимъ, и прикаспійскія страны, Руссы въ своихъ извѣстныхъ набѣгахъ при Святославѣ по Окѣ, в Волгѣ на Хазаръ

почти всеобщимъ для славянскихъ и не славянскихъ народовъ древней Россіи. (Труды Моск. арх. общ., т. 3-й стр. 269-я). См. также о погребальн. обыч. языч. славянъ, Комяревскаго, изд. 2-е стр. 56 и 240—244.

¹⁰⁾ „Сказанія рус. писат.“. Гаркави, 1870 г., стр. 130-я и слѣд.: «Каспій», Дорва, 1875 г., стр. 499-я.

Ясовъ и Касоговъ въ 965—969-мъ гг. ограбили и почти поголовно перебили также и Буртасовъ остатки конхъ разбѣжались въ ближайшія страны, такъ-что отъ нихъ не осталось и слѣдовъ на Волгѣ. Изъ позднѣйшихъ писателей дается интересное указаніе о Буртасахъ компиляторъ конца 14-го или начала 15-го вѣка Бакувидизъ Баку: почти повторяя о нихъ первоисточники, онъ ото двигаетъ Буртасовъ значительно выше по Волгѣ, говоря, что ночь у нихъ лѣтомъ продолжается не болѣе часа, и добавляетъ, что въ деревянныхъ домахъ они живутъ зимою, а лѣтомъ разсѣиваются по полямъ.

Основывался на единогласномъ свидѣтельствѣ восточныхъ писателей различныхъ эпохъ, слѣдуетъ несомнѣнно заключить, что многочисленное племя Буртасовъ, начиная уже съ 10-го вѣка рѣзко отдичалось отъ своихъ кочевыхъ сосѣдей охѣдно-земледѣльческімъ бытомъ, на который указываетъ и самое имя Буртасъ, означающее въ буквальномъ переводѣ, по утверженію знатока турецкихъ нарѣчій покойнаго проф. Сбоева, охѣдного жителя ¹¹⁾ и что до разоренія этого племени Русами въ 969-мъ году, а всего вѣроятно до второй половины 11-го вѣка, т. е. до нашествія Половцевъ и въ Заповозь, оно занимало обширное пространство нынѣшнихъ Саратовской (и исключеніемъ Царицынѣтско) входившаго въ предѣлы Хазарскаго царства), Пензенской и частью Симбирской Тамбовской Воронежской губ. и области Войска Донскаго. Въ настоящее время о немъ свидѣлствуютъ на этомъ пространствѣ лишь маленькая рѣчка Буртасъ съ четырьмя селеніями на ней того же имени, населенными Мещерою, и, вѣроятно, старинныя урочища, носящія названіе *буртасъ* паприм., въ Саратовскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ дашей губерніи.

Хотя мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній въ исторіи о столкновеніи Половцевъ съ Буртасами и отбѣненіи ими послѣднихъ съ упомянутаго выше пространства но, принявъ во вниманіе тотъ погромъ и опустошеніе, которые произвела эта, по преимуществу прославившаяся въ нашей исторіи до нашествія Монголовъ своею воинственностью, кочевая орда въ юговосточ-

¹¹⁾ „Чувашъ“, Сбоева, 1863 г., стр. 184-я.

ныхъ степяхъ Россіи и имѣя въ виду, что ова. отъ сѣннвѣ Узовъ за р. Донъ въ западномъ направленіи, вскорѣ занята между прочимъ, почти все то пространство, которое въ 10-мъ вѣкѣ было заселено Буртасами, отъ сѣннвѣ этихъ послѣднихъ представится для насъ несомнѣннымъ. Арабъ Ибнъ-Фаль-Асиръ въ своемъ подробномъ разсказѣ, со словъ очевидцевъ, о первомъ нападѣніи Татаръ на южную Россію въ 1223-мъ году упоминаетъ лишь въ числѣ разныхъ произведеній земли Половцевъ, поступающихъ отъ нихъ въ продажу, о буртасскихъ мѣстахъ, племемъ которыхъ были искони извѣстны на Востокъ черныя тисяды, о бобрахъ и проч. о Буртасахъ же не упоминаетъ ни однимъ словомъ въ своемъ обстоятельномъ историческомъ разсказѣ ¹²⁾ хотя на это перѣдко ссылаются въ подтвержденіе существованія Буртасовъ въ землѣ Половцевъ въ эту эпоху. Объ этомъ переселеніи ихъ свидѣлствуютъ и то замѣчательное обстоятельство, что съ 11-го вѣка въ богатой писателями и сочинителями восточной литературѣ почти не встрѣчается уже новыхъ указаній о Буртасахъ; позднѣйшіе писатели въ разсказахъ о нихъ ограничиваются лишь компиляциями или повтореніемъ своихъ предшественниковъ и при этомъ перѣдко искажаютъ и смутываютъ до очевидности свидѣлствія первоисточниковъ, какъ наприм., приписывалъ всецѣло ихъ разсказъ о Болгарахъ Буртасамъ и, поэтому, относя лучшіе изъ болгарскихъ городовъ Болгаръ и Суваръ, въ которыхъ проживало 10 тыс. жителей, въ странѣ Буртасовъ. Первый изъ этихъ городовъ является у нихъ переименованнымъ въ гор. Буртасъ и помѣщается въ 20-ти дняхъ пути отъ гор. Иглия, что дало поводъ, не смотря на замѣчаніе извѣстнаго ориенталиста, академ. Френа, проф. Сеньковскому (въ 1836 г.) и повѣрившимъ его авторитету другимъ писателямъ власть въ замѣчательную ошибку и усердно искать и находить городъ Буртасъ въ развалинахъ Увека, несмотря на то, что это мѣсто находилось въ разстояніи болѣе мѣсяца арабскаго пути отъ города Иглия ¹³⁾

¹²⁾ „борн. матер. къ исторіи Золотой орды“, Тизенгаузена, г. I-а, 1864 г. стр. 26—28-я.

¹³⁾ „Извѣстія Ибнъ-Дусты“, Хвольсона, 1869 г., стр. 75—76-я; „Древн. города“, Шилевскаго, 1877 г., стр. 55—57-я.

Не может подлежать сомнѣнью также и то, что Буртасы, какъ племя земледѣльческое и осѣдлое, или во всякомъ случаѣ весьма близкое къ этому быту, по естественному ходу вещей переселилось или отодвинулось въ сѣверномъ направленіи ближе къ лѣсной области праваго Поволжья, заселенной, повидимому уже послѣ этого передвиженія пришедшею съ запада мордвою-Мокшею. О переселеніи Буртасовъ въ черноморскія степи по общему пути передвиженія всѣхъ кочевыхъ ордъ, явившихся изъ Азіи, никакихъ указаній въ исторіи мы не находимъ. Извѣстный путешественникъ миссіонеръ В. Рубрукъ въ своемъ описаніи подробно встрѣченныхъ имъ въ 1253-мъ году на пути изъ Крыма въ станъ Батыея, близъ нынѣшняго Саратова, обитателей провинциальныхъ степей и ихъ соотечественниковъ, при своей тщательной наблюдательности возможности видѣть и услышать въ посѣщенныхъ имъ многотысячныхъ становищахъ Сартака и Батыея всѣхъ ихъ явныхъ подданныхъ о Буртасахъ не упоминаетъ ни единымъ словомъ. Въ южной части ихъ бывшей области, между Дономъ и Волгой, онъ находитъ кочевья Татарскіе и разоренныхъ ими Половцевъ, а въ тѣсахъ, къ сѣверу отъ этихъ кочевьевъ, находитъ два *разномащитныхъ* народа, сначала язычниковъ Мокшу потомъ магометанъ съ очевидною некаженною именемъ Мерцеры (принявшею отъ Болгаръ магометанство)—Merdas или Merclas и за ними Волгу (гл. XIV—XVI его „Путешествія“). Наконецъ допустить предположеніе о томъ, что Буртасы были истреблены Русами или Половцами, или же незамѣтно слились съ послѣдними путемъ ораннаго родства, безъ очевидной натяжки невозможно по многочисленности побѣжденныхъ и краткости срока совместнаго жительства ихъ съ Половцами.

Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Буртасы въ числѣ ивородцевъ Поволжья сохранились и до нашихъ дней; о существованіи ихъ въ эпоху монгольскаго владычества и послѣ нея упоминаютъ какъ восточные, такъ и русскіе письменные памятники. Знаменитый персидскій историкъ Рашидъ-Эддинъ, писавшій въ самомъ началѣ 14-го вѣка и горю Монголовъ, въ разсказѣ своемъ о второмъ нашествіи ихъ на Россію въ 1237-мъ году говорить, что, по завосваніи Болгаріи Камской,

сыновья Батыя Урда и Берке *жили на Мошну и Буртасовъ* въ малое время овладѣли ими¹⁴⁾. Русская повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ опредѣляетъ и самый путь монгольскихъ завоевателей, шедшихъ въ 1237-мъ году изъ Волгарии „безъ числа аки пружи“ на рязанскую землю по южной окраинѣ обширныхъ присурскихъ лѣсовъ, указывая на р. Узу, гдѣ они остановились первымъ станомъ и пожгли на ней дѣса¹⁵⁾. Первая часть нашей „Степенной Книги“, составленная весьма ученымъ сербомъ, современникомъ Дмитрія Донского, московскимъ митрополитомъ Киприномъ, подробно перечисляя всѣхъ покоренныхъ татарами иноплемявъ, въ числѣ ихъ называетъ: Волгарь, Буртасовъ, Мошну, Черемису, а въ рассказѣ о славной побѣдѣ Дмитрія Донского надъ Мамаемъ въ 1380-мъ г. снова упоминаетъ Буртасовъ въ числѣ многихъ наемныхъ ратниковъ Мамаея¹⁶⁾. Очевидно Буртасы были извѣстны автору „Книги“, какъ современнику этого событія, имѣвшему возможность почерпнуть свѣдѣнія о немъ изъ непосредственнаго источника. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ изъ найденныхъ въ послѣднее время архивныхъ документовъ 17-го вѣка встрѣчается имя Буртасовъ въ числѣ существовавшихъ еще въ то время иноплемявъ въ предѣлахъ ихъ древней области. Такъ, наприм., въ одномъ указѣ царя Феодора Алексѣевича къ воеводѣ Сыдуку Кудушеву въ 1682-го года было подтверждено о сборѣ язакъ съ новокрещенныхъ крестьянъ Каючскаго уѣзда, Морды и Буртасовъ, по ихъ племнымъ спискамъ (Изд. Гамб. арх. ком., вып. 14, прилож. 14). Во многихъ архивныхъ документахъ начала 17-го вѣка, относящихся къ обширному пространству нынѣшней Симбирской и соедѣл. губ. по бассейну Суры (къ старому Алаторскому уѣзду), въ числѣ обитателей его, кромѣ Татаръ, упоминаются отдѣльно Морды, Чуваши и Буртасы, но не называется несомнѣнно существовавшая здѣсь же Мещера и, что особенно замѣчательно, Буртасы называются иногда буртаскими или же съ прибавленіемъ посет-

14) „Журн. М. Н. Просв.“, 1855 г., А 5-й.

15) См. эту повѣсть въ изд. Срезневскаго въ „Зап. Ак. П.“, с. XI-й, кв. 1-я, 1867 г.

16) „Степенная Книга“, ч. I-я, стр. 423—493-я.

ными (т. е. неслужилыми) *Татарами* — до такой степени они уже въ то время отатарились ¹⁷⁾).

Наши летописи, повѣсти и сказанія вовсе не знаютъ имени Вуртасовъ. Онѣ, начиная еще съ Несторовой летописи, пространство почти сплошныхъ лѣсовъ средняго праваго Поволжья между Окою и Сурую называютъ Мордвою; летописи же и сказанія среднихъ временъ къ югу отъ этого пространства упоминаютъ также о *Мещерѣ* и о мещерской области, но постоянно смѣшиваютъ Мещеру съ Мордвою ¹⁸⁾. Князь Андрей Курбскій въ описаніи своего похода съ отдѣльнымъ отрядомъ войска на Казань въ 1552-мъ году говоритъ, что онъ прошелъ изъ Коломны „черезъ рязанскую землю, а потомъ мещерскую, идѣ же есть мордовскій языкъ (т. е. народъ); потомъ препроводяся аки въ три дни мордовскіе лѣсы, изыдохомъ на великое дикое поле и аки бы по пяти недѣляхъ, со гладомъ и съ нуждою многою, дойдохомъ Суры рѣки великия на устья Барыша рѣчки и того дня хлѣба сухаго найдохомся со многою сладостию, бо намъ его не стало аки бы на 9 дней, и Господь Богъ пропиталъ насъ и войско ово рыбами, ово иными звѣрьми: бо въ пустыхъ тѣхъ поляхъ зѣло много въ рѣкахъ рыбъ“ ¹⁹⁾. На этомъ великомъ дикомъ полѣ, по летописямъ, былъ построены въ 16-мъ вѣкѣ „гореть Мокшанъ въ Мещерѣ на Мокшѣ по просьбѣ мещерскихъ жителей“ ²⁰⁾. Гораздо точнѣе опредѣляется пространство мещерской области въ разрядныхъ росписяхъ 16 и начала 17-го вѣка. Изъ нихъ мы узнаемъ, что мещерская область заключена въ себѣ тогдашніе (1617 г.) города: Шацкъ, Касимовъ, Кадомъ, Темниковъ, Арзамасъ, Курмышъ и Алатырь ²¹⁾; что въ ней суще-

¹⁷⁾ „Труды 4-го арх. общества въ Казани“, т. II-й ст. Христофорова стр. 33-я и слѣд., „Извѣст. Казанск. арх. общ.“ г. X-й, вып. 3-й, стр. 306-310-я и V-й, и ст. о Мишаряхъ о. Матова, стр. 48-я и др.

¹⁸⁾ „Ист. Карамзина“, г. I-й, прим. 73-е. „О Касимскихъ царяхъ“. Вольямино-Вернова, т. I-й, стр. 30-31-я.

¹⁹⁾ „Сказанія кн. Курбскаго“, изд. 3-е Усгрятова, стр. 14-я; сравни прим. 308-е, къ 6-му тому ист. Карамзина.

²⁰⁾ „Ист. Карамзина“, т. 8-й, прим. 66-й.

²¹⁾ „Разрядныя книги“, т. I-й, 1853 г., стр. 450-я. Въ 16-мъ вѣкѣ существовалъ и особый Мещерскій приказъ, вѣроятно соединившійся потомъ съ приказомъ Казанскаго двора. „Акты Москов. госуд.“ т. I-й, № 23.

ствоваши „мещерскія сторожи“ въ видѣ тѣни, начинавшейся на рѣч. Барышъ нын. Симбирской и простиравшейся на западъ въ Пензенскую и Тамбовскую губ. до р. Цны, и что сторожевые разѣзды ея станичникѣвъ направлялись отъ Волги до Дона и Днономъ внизъ до волжской перекладины и ниже для наблюденія за перекладами Ногайскихъ татаръ на пути ихъ въ Крымъ и обратно и за нападеніемъ ихъ „на мещерскія мѣста“²¹⁾. Изъ всего приведеннаго слѣдуетъ заключить, что древняя мещерская область занимала обширное пространство между рязанскою областью и Днономъ съ одной стороны и Волгою съ другой: на сѣверѣ она примыкала къ тѣмъ же мѣстамъ Мордвы, а на югѣ, весьма рано побитомъ Мещерою, подходила къ стенамъ юго-восточной Россіи и слѣдовательно, вообще совпадала съ древнею областью Буртасовъ.

Знавши весьма хорошо топографію и этнографію южной и юго-восточной Россіи, судя по дошедшему до насъ его труду, современникъ Магуды Константинъ Вагрянородный, также не зналъ Буртасовъ, но въ числѣ соудей Печенѣговъ за время ихъ обитанія еще по Волгѣ и Янку называетъ *Мажаровъ* и *Узовъ*²²⁾. Наши летописи послѣ 1551-мъ годомъ въ числѣ обитателей праваго побережья Волги (горнихъ людей), въ области Казанскаго царства, Мордвы, Черемисы, Чуваша и другихъ въ первый разъ называютъ *Можаровъ* (Ист. Казанскаго царства, стр. 232 и 236). По одной изъ сохранившихся въ дѣлахъ шапкаго архива грамотъ въ 1534-мъ году давалось право кн. Кугушеву „судити по старинѣ Можарянь, которые живутъ въ Темниковѣ“ (Изв. Тамб. арх. ком., вып. 23, стр. 31). Ориенталисты академики Радловъ и Вельяминовъ-Зерновъ, основываясь на разборѣ имени Мяшаръ, или Мышаръ, которымъ Мещеряки называютъ себя сами, пришли къ несомнѣнному заключенію, что подъ именемъ летописныхъ Можаровъ слѣдуетъ разумѣть Мещеру²³⁾, а по нашему личному мнѣнію такъ же и Мажаровъ — Константинъ Вагрянородный. Эти Мажары, или Можары

²¹⁾ „Акты Московскаго государства“, т. I-й, 1890 г., ч. 31.

²²⁾ Объ управленіи Имперіи, гл. 37-я.

²³⁾ „Труды 4 арх. съѣзда въ Казани“, т. I-й, отд. II-й, стр. 17-я.

оставили слѣды своего пребыванія во многихъ урочищахъ, носящихъ это имя до сихъ поръ на прострѣтвѣ бывшей мецкерской области (см. епископски населен. мѣсть Пензенской, Саратовской и сосѣднихъ губ.).

Сводя все сохранившіяся въ письменныхъ памятникахъ и названіяхъ урочищъ указанія о Буртасахъ и мецкерѣ, мы въ докладѣ своемъ послѣднему археол. съѣзду въ Москвѣ (въ 1890 г.) пришли къ слѣдующему почти несомнѣнному для насъ заключенію: по установившемуся искони обыкновенію все наши впродолжъ носить и до сихъ поръ различныя названія, свое собственное и данное имъ тѣми или другими сосѣдями ¹⁾. Племя, поселившееся съ давнихъ временъ между Дономъ и Волгою, называвшее себя Мецкерою, или Мозарамп, несомнѣнно принадлежащее по современнымъ лингвистическимъ изысканіямъ къ группѣ турецко-татарскихъ народовъ и слѣдовательно, вышедшее изъ Азии, получило по отличію своего осѣдлаго быта отъ его кочевыхъ сосѣдей, напримѣръ, Хазаровъ, названіе Буртасовъ, которое отсюда же стѣлалось извѣстнымъ и восточнымъ писателямъ. Только послѣ основанія въ 1222 году Нижняго Новгорода въ землѣ мордовской, благодаря частымъ столкновеніямъ и дальнимъ походамъ русскихъ войскъ въ эту землю, Мецкера стѣлалась извѣстной русскимъ, глѣтописцамъ подъ ея собственнымъ названіемъ, хотя и смѣшивалась постоянно сначала съ обитавшею въ тѣсахъ Нижегородской области Мордвою, а потомъ съ единовѣрцами и соплеменниками своимъ—гагарами.

Такимъ образомъ, высказанное еще Френотомъ и почти общепринятое мнѣніе о тождествѣ Буртасовъ и Мордвы безъ всякаго сомнѣнія должно быть отвергнуто. Эти два разноплеменные народа искони обитали на двухъ противоположныхъ и совершенно различныхъ по физико-географическимъ условіямъ частяхъ обширной площади праваго Поволжья отъ Оки до донскаго волока и категорически различались между собою, какъ упомянуто выше, ихъ современниками: митрополитомъ Кипріаномъ, Рашидъ-Эддиномъ и позднѣйшими письменными памятниками. Въ числѣ обн-

1) „Корисной Словарь“ Золотницкаго, стр. 244—245-я.

тателей Саратовскаго края Мурды явилась не ранее конца 17-го вѣка.

Въ сѣверной части луговой (лѣвой) стороны Саратовскаго Поволжья и выше его— въ Закамской области искони кочевали Башкиры, часть которыхъ еще около 884-го года была вытѣснена отсюда Печенѣгами въ югозападномъ направленіи и въслѣдствіи основала Веягрію. Восточные писатели 10-го вѣка причисляютъ Башкировъ (Башкурды) къ турецкому племени и называютъ ихъ родомъ языческимъ и воинственнымъ, находившимся въ подданствѣ у Болгаровъ.

Къ югу отъ Башкировъ до самаго Каспійскаго или Хвалынскаго моря также съ древнѣйшихъ времёнъ кочевали орда *Канловъ* или *Хан* — народа весьма мало извѣстнаго въ исторіи.

III.

Въ околу половины 11-го вѣка изъ-за Ялика напала на Саратовское Поволжье знаменитая въ нашей исторіи своимъ опустошеніями и дикостью многочисленная орда *Половцевъ* или *Комановъ* (визант. писат.), называвшихъ себя *Киттаками*. Это—соплеменники Печенѣговъ, ведшіе одинаковый образъ жизни и говорившіе однимъ языкомъ съ ними. Алтд. Радловъ, по изслѣдованіи сохранившагося словаря ихъ языка составленнаго однимъ итальянцемъ въ 1303-мъ году, нашелъ, что изъ всѣхъ очень близкихъ къ нему вообще нарѣчій поволжскихъ инородцевъ оныя представляетъ особенное сходство съ нарѣчьемъ Мешеры^{*)}.

Вытѣснивъ Узювъ и ихъ сосѣдей въ черноморскихъ степяхъ Печенѣговъ за Дунай, а также несомнѣнно и Бургасовъ

*) „О языкѣ Комановъ“. В. Радлова, 1884 г., стр. 41 и 53-я

къ сѣверу. Половцы заняли все южное степное пространство между Волгою и Дунаемъ и отсюда производили свои почти ежегодные опустошительные набѣги на южныя окраины Руси, грабили имущество, а ограбленныхъ жителей массами увозили въ плѣны и продавали въ мусульманскія страны Средней Азии или брали за нихъ выкупъ. Половцы жили съ своими семьями въ круглыхъ войлочныхъ кибиткахъ, легко перевозимыхъ съ одного становища на другое по истребленіи ихъ многочисленными косящими габунами подожного корма. Обычную ихъ одежду составляли кожухи или бараныи полушубки и кафтаны изъ овечьей или верблюжьей шерсти, а у богатыхъ даже изъ шелка. Верховнаго главы они не имѣли и дѣлились на многія орды съ наследственными ханами въ ихъ главѣ и только для набѣговъ и въ своей защитѣ соединялись по необходимости орды вмѣстѣ. Наши летописи, кромѣ становищъ или вежъ, упоминаютъ также о половецкихъ городкахъ бывшихъ вѣроятно, лишь землянками, на устьяхъ Цола у р. Сала ⁷⁴.

Въ первой половинѣ 13-го вѣка Саратовское Поволжье подверглось нападению въ Азію новой гораздо сильнѣйшей орды Монголо-Татаръ, которые разоривъ и подчинивъ своему владычеству Россію, заняли это Поволжье и въ этотъ главный образчикъ, основали свое могущественное ханство подъ именемъ *Золотой орды* съ однимъ верховнымъ властителемъ во главѣ. Новые пришельцы состояли изъ народовъ двухъ племенъ, различныхъ между собою какъ по языку такъ и по физическому виду: изъ господствующихъ *Монголовъ*, ближайшихъ соплеменниковъ гораздо поддѣльшихъ выходцевъ изъ Азіи катмыковъ и изъ подвластныхъ первымъ *Татаръ*, родъ сохранившимся донынѣ чююккамъ и ихъ языку, гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ господствующее племя, и принадлежавшихъ къ Узбекской вѣтви народовъ тюркаго племени, подобно ихъ предшественникамъ Половцамъ и др.

Монголы и Татары по принятіи ими ислама, лишь около ста лѣтъ спустя послѣ покоренія Россіи, были язычниками и

) „Ист. Россіи“ Плованскаго, т. I-я, ч. I-я, стр. 140-я

поклаивались солдцу, воѣ и землѣ, которымъ приносили въ жертву часть своей нищи и пятя: имѣли идоловъ на подобіе челоѣка, поставленныхъ у дверей кибитокъ и сѣдланыхъ изъ войлока или шелка, смотря по состоянію домохозяина. Оружіе ихъ состояло изъ копій и кривыхъ сабель, главнымъ же образомъ, изъ дѣланныхъ съ желѣзными наконечниками стрѣлъ, а панциря — изъ тростниковыхъ щитовъ, обтянутыхъ кожей, и шлема и панциря сѣдланыхъ изъ толстой кожи и иногда покрытыхъ еще желѣзною чешуею. Этихъ кочевниковъ не удерживали и большія рѣки, черезъ которыя они переправлялись съ помощію большихъ кожаныхъ мѣшковъ, туго набитыхъ одеждою и привязанныхъ къ хвостамъ лошадей.

Покоривъ и частію истребивъ Половцевъ и ихъ сѣверныхъ братьевъ Буртасовъ и Мордву, а въ Заволжѣ Болгарь, Башкирь и Хвалисовъ, побѣдители легко спались потомъ съ Половцами и даже подучили ихъ имя Кипчаковъ. Вотъ что говорить о Саратовскомъ Поволжѣ и его обитателяхъ упомянуты выше миссіонеръ Рубруквисъ, посѣтившій его кѣтомъ 1253-го года. Вся страна отъ Дуная до Дона и между Дономъ и Волгою, пройденныхъ имъ значительно выше теперешаго войлока (гдѣ разстояніе между ними составляло около 50 вер.), до прихода Татаръ была обитаема Половцами, которые называли себя Кипчаками: теперь же здѣсь, главнымъ образомъ, проживаютъ ихъ побѣдители Татары. Во время своего двухмѣсячнаго путешествія отъ Крыма до Волги онъ не встрѣтилъ „ни одной деревни, ни даже признака какой-либо постройки гдѣ бы то ни было, исключая часто попадавшихся на пути могилъ Половцевъ, но сторонамъ дороги эти могилы были до двухъ лѣе длины, такъ какъ по дорогамъ у нихъ было въ обычаѣ хоронить въ одномъ мѣстѣ и семью и ся родню. Половцы обыкновенно насыпаютъ холмъ (курганъ, на мѣстѣ погребенія покойника и становятся на немъ статую лицомъ къ востоку, держащую чашу въ рукѣ у пупа (камешная баба) *); богатымъ и знатымъ они воздвигаютъ пирамиды или малышкы

*), О камешныхъ бабахъ, еще недавно находимыхъ почти повсюду въ Саратовской и Самарской губ., см. путешествія академ. Испехина, Палласа и др. „Саратовскія Губерн. Вѣдомости“ за 1851 г. № 9 и проч.

острокопечные домики, а иногда и пѣлыя башни възъ кирпича и даже большіе дома възъ камня". На похоронахъ одного половеца авторъ видѣлъ 16 лошадиныхъ шкуръ, повѣшенныхъ на шести по 4 съ каждой страны свѣта, и оставленные на могилѣ кумысы для шитья и мяса для ѣды, а между тѣмъ, автору говорили, что этотъ покойникъ былъ крещенъ. На походахъ и стоянкахъ авторъ никакъ не могъ останавливаться въ кибиткахъ кочевниковъ: такъ онѣ были отвратительны.

Что касается обрядовъ погребенія у языческихъ Татаръ, то лучшее описаніе ихъ даетъ намъ также очевидецъ и современникъ Рубруквиса другой миссіонеръ Штано Карпини. Онъ говоритъ, что незнающихъ людей Татары погребаютъ въ наилучшемъ платьѣ вмѣстѣ съ кибиткою, посадивъ покойника въ серединѣ ея на столѣмъ, на который ставятъ чашу съ мясомъ и горшокъ съ кумысомъ и зарываютъ вмѣстѣ, съ нимъ кобылу съ жеребенкомъ, утку и сѣдокомъ, для припюда и ѣзды въ будущей жизни. Знатныхъ же людей хоронятъ иначе: вырываютъ въ полѣ большую яму, съ боку ея подъ землею дѣлаютъ другую, въ которую кладутъ покойника съ золотомъ и серебромъ съ кибиткою и со всею помянутою выше обстановкою, послѣ чего закрываютъ эту боковую нишу выветъ съ любовнѣйшимъ стогою покойника а яму зарываютъ землею. Чтобы не грабили покойниковъ, ихъ хоронятъ гдѣ-либо въ полѣ. Армянскій историкъ Гандзакеди (ум. въ 1272 г.) въ Марбо Поло удостовѣряютъ что у Татаръ, кромѣ погребенія, существовало также и трупосожженіе. Подъ именемъ золота и серебра, хоронимыхъ съ покойниками, безъ сомнѣнія слѣдуетъ разумѣть монеты ради нужды въ будущей жизни.

Рубруквисъ перешелъ Днѣпръ, судя по его довольно точнымъ топографическимъ указаніямъ, въ нынѣшнемъ Острогжскомъ уѣздѣ, Воронежской губ. в. направляя свой путь къ востоку, черезъ 8 дней пѣшаго хода, прибылъ 31 іюля 1253-го года въ станъ Сартака сына Батая, находившіяся въ 3 дняхъ пути отъ Волги (гдѣ-либо въ нынѣшнемъ Аткарскомъ уѣздѣ) и, какъ видно, на давно устроенной по ихъ приказанію дорогѣ изъ Крыма къ Волгѣ для посланниковъ и купцовъ, съ перевозами и селешьями

при нихъ на Дону и Волгѣ. Сартакъ уже нѣсколько лѣтъ переть посѣщенемъ Рубруквиса. по случаю занятій Батыя тѣлами о престолонаслѣдїи въ Азїи. правиль Русью: такъ. по лѣтописямъ въ 1249 и 1250 гт. наши князья вѣдѣли въ станъ Сартака; лѣтомъ же 1252-го года былъ у Сартака въ ордѣ Александръ Невскій, воротившїйся отъ него съ ярдыкомъ на велико княженю Владимірское, наконецъ съ висьмомъ къ Сартаку же былъ посланъ француз. королемъ Людовикомъ IX-мъ и Рубруквисъ. Станъ Сартака показался нашему автору очень большимъ. такъ какъ у самого князя было шесть женъ. да у его старшаго сына. живущаго недалеко отъ него, двѣ или три жены, и у каждой изъ нихъ жилище состояю болѣе, чѣмъ изъ двухсотъ перевозимыхъ на быкахъ кибитокъ.

Съ помощію одного изъ самыхъ близкихъ къ князю вельможъ. окруженнаго пышностію и великолѣпїемъ христіанинъ, несторїанца Коята. Рубруквисъ съ его спутниками былъ представленъ ко двору князя въ богатыхъ церковныхъ облаченіяхъ съ кресломъ, библіей и псалтыремъ и при пѣніи пѣсни Пресвяг. Богородицѣ (*Salve Regina*). Въ шатрѣ князя сѣдѣли всѣ его жены, и онъ внимательно съ одною изъ нихъ осматривалъ церковную утварь и книги; назвалъ библію евангелїемъ и спросилъ автора объ Іисусѣ Христѣ. Не давъ посланнику-миссионеру никакой рѣшительнаго отвѣта по вопросу о вѣрѣ. князь отправилъ его для разрѣшенія онаго къ своему отцу Батыю. хотя въ станѣ его и были уже несторїанскіе священники, служившіе обѣдив и исполнявшіе всѣ требы по своему обряду.

7 августа Рубруквисъ прибылъ къ Этели или Волгѣ. гдѣ нашель новый поселокъ. населенный татарами и частью русскими для содержанія перевоза на этой рѣкѣ къ ишащему противъ него на восточномъ ея берегу стану Батыя. По опредѣленію автора это мѣсто находилось на пять двѣи пути ниже южныхъ предѣловъ Камской Болгарїи (проходившихъ по самарской дукѣ; и, слѣдовательно, соотвѣтствовало окрестности нынѣшняго Саратова. Переправившись на баркѣ черезъ Волгу. Рубруквисъ былъ

„Ист. Россїи“ Изовайскаго, т. I-й. ч. 2-я. стр. 118-я и Карамзина, т. IV-й. стр. 71-я и прим. 84-е.

пораженъ ея многоводемъ и вѣдомъ становища Батгя, раскинувшатося на пространствѣ болѣе 3 или 4-хъ мѣ (т.-е. болѣе 16 верстъ) и состоявшаго изъ разной величины перекатыветныхъ на колесахъ татарскихъ жилищъ: эти жилищъ были расположены вокругъ громаднаго, величиною съ большой городъ, ханскаго двора, носившаго названіе курія-орда. Въ серединѣмъ дворъ, имѣвшаго ворота всегда съ южной стороны. Это становище представляло крайній пунктъ, до котораго Батгя со своимъ ордою, начиная въ январѣ мѣсяцѣ постепенно подниматься съ низовьевъ Волги, достигалъ на сѣверѣ и съ котораго въ августѣ мѣсяцѣ снова спускался къ югу. По свидѣтельству Иславо Каринни, побѣдившаго Батгя гдѣ-то на берегахъ Волги, на Пасху, 1246-го года, въ войскѣ его считалось шестьсотъ тысячъ человекъ, и въ коихъ 150 тыс. татаръ и 450 тыс. иныхъ невѣрныхъ и христіанъ.

На другой день состоялось представленіе Рубруквиса къ двору Батгя. Въ ожиданіи входа въ большой ханскій шатеръ послы много стояли у его воротъ, на глазахъ собравшейся толпы къ своему назначенію, но босые и съ непокрытыми головами. Наконецъ, при весьма продолжительномъ молчаніи они предстали предъ Батгемъ, который сидѣлъ на высокомъ стулѣ или престолѣ, вѣстичиною съ кроватъ кругомъ вызолоченномъ и имѣвшемъ три ступени. Подлѣ него сидѣла одна изъ его жень, а мужины по обѣимъ ея сторонамъ. При входѣ въ шатеръ пошла скамья съ кумысомъ и съ большими золотыми и серебряными сосудами, украшенными драгоценными камнями. Батгй приказалъ нагнеть говорить, и Рубруквисъ преклонивъ по указанію приставъ оба колѣна, сказалъ рѣчь, въ которой, между проч., упомянулъ, что только принявшіе крещеніе будутъ спасены. Батгй, слушавшій его черезъ переводчика съ глубокимъ вниманіемъ, пріятихъ слова съ улыбкою, а татары начали бить въ ладоши и смѣяться надъ монахами. Выслушавъ рѣчь и угостивъ посла кумысомъ, Батгй отпустилъ посольство и приказалъ объявить ему, что безъ разрѣшенія великаго хана Менгу онъ не можетъ оставить монаховъ у себя и чтобы они отправлялись къ тому хану.

Рубруквисъ пробылъ въ ордѣ Батгя пять недѣль, перекочевывая съ нею вѣстѣ на обратномъ пути ея внизъ по Волгѣ,

и въ числѣ своихъ новыхъ спутниковъ шедшихъ на необъятномъ пространствѣ, нашелъ между проч. христіанъ-Венгерцевъ. близко сошелся съ ихъ церковнымъ причмомъ и убѣдился, что Венгры говорятъ однимъ языкомъ съ Башкирами, и даже встрѣтилъ одного крещенаго половца, научившагося говорить по-латыни у своего крестнаго отца монаха; однажды видѣлъ самого Батю Бахавшаго верхомъ со свягомъ изъ 500 вельможъ. Только 15-го сентября Батый отправилъ нашего автора къ хану Мейгу въ Монголію. На этомъ новомъ пути отъ Волги до Яика (27 сентября) и за Яикомъ до 1-го ноября Рубруквисъ Батю земледю Канатовъ (Хвалдесовъ), кочевавшихъ къ югу отъ Башгаръ до Каспійскаго моря, къ берегамъ котораго Кангалы переходили въ это время на зимовье. И здѣсь авторъ нашелъ могилы и гробницы, какъ единственные слѣды пребывания челоуѣка.

Ровно черезъ годъ Рубруквисъ не достигнувъ и у желваго хана цѣли своей миссіи, возвратился на Волгу, снова встрѣтился здѣсь съ Батыемъ и снова кочевалъ съ нимъ около мѣсяца по Волгѣ. Напдя, наконецъ, проводника, онъ отправился черезъ Дербентъ и Арменію къ своему повелителю королю Людовику IX-му на островъ Кипръ. Оставивъ Батю и идя Волгою „всѣ прямо на югъ“, авторъ прибылъ къ „новопостроенному Батыемъ городу *Сараю*“ у котораго рѣка раздѣлилась на три большихъ рукава: на среднемъ изъ нихъ находится гор. *Сумерка* (въ время разлива затопляемый кругомъ водою слѣд. думать на Сарпинскомъ островѣ) и населенный Атанами (Осетинами) и каковыми-то магометанами. Батый становился по одну сторону Волги — въ Сарай, а Сартакъ по другую, и оба они не спускались ниже этого мѣста по теченію Волги. Кромѣ названныхъ городовъ, Рубруквисъ не нашелъ на нижней Волгѣ никакихъ другихъ поселеній, если не считать, по его же словамъ, нѣсколькихъ хижинъ и шалашей на томъ мѣстѣ, гдѣ Волга впадаетъ въ море (въ 10—14—23 и 49 „Путешествія“ этого автора) ¹⁰⁴.

Около 1267-го года при ханѣ Берке посѣтили наше Поволжье пршшедшіе изъ Крыма сухимъ путемъ и очевидно тою же доро-

¹⁰⁴ Въ переводѣ на французск. Бержерона, изд. въ 1634 г. взято нѣтъ и января 1734 г.

гою, что и Рубруквиесъ, венеціанскіе купцы Николасъ и Матвѣй Поло, торговавшіе въ Поволжьѣ, по разсказу сына перваго изъ нихъ знаменитаго Марко въ теченіе года предметами роскоши вь видѣшіе мѣста, кромѣ гор. Болгара и Сарая, въ которыхъ попеременно проживалъ ханъ Берке, еще и гор. Укаку или Ухакку, т. е. Укскъ.

Наиболѣе обстоятельныя, сравнительно, географическія свѣдѣнія о Золотой ордѣ оставилъ намъ державный писарь 14-го вѣка арабъ Абуль-Фозъ въ своей извѣстной географіи, писанной въ 1221-мъ году. Онъ говоритъ, что отъ города Болгара Волга течетъ къ небольшому городу, называемому Укскъ, проходитъ мимо селенія Бельдъмапа и течетъ къ полудню; потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ и проходитъ мимо города Сарая съ юго-западной стороны. Сарай находится на сѣверо-восточномъ берегу; восточнѣе него находится одинъ изъ мѣстъ Чипкъ-Аллахъ Батышевъ, онъ представляетъ одинъ изъ большихъ транзитныхъ торговыхъ пунктовъ. Это великій городъ и столица царства Татарскаго. Гор. Укскъ лежитъ на западномъ берегу Волги, на половинѣ пути между Сараемъ и Болгаромъ, т. е. на разстояніи почти двѣнадцати дней пути отъ каждаго изъ этихъ городовъ. Орда татарскаго хана при главѣ кочевныхъ въ Тенгъ-Кичакъ (земляч. Берке) доходитъ до Укскъ, но выше его не поднимается *).

Если по весьма обильному нумизматическому матеріалу оставленному намъ Золотою ордой, въ ней было нѣсколько или много такихъ городовъ, имена коихъ выпадаютъ на монетахъ; но о мѣстахъ нахождения большей части этихъ городовъ намъ почти ничего неизвѣстно до сихъ поръ; какъ по вопросу о мѣстоположеніи столицы Золот. орды Сарая наши историки и археологи не пришли еще къ окончательному и окончательному рѣшенію и на насъ саратовцахъ, какъ современныхъ ея обитателей, лежатъ прямая обязанность пролить свѣтъ своими археологическими изысканіями въ этомъ отношеніи.

Основаніемъ Золотой орды въ области Печенѣговъ, Бурга-

*) „Географія Абуль-Фозы“ въ перев. на французскій языкъ Рейно. 1-й т. т. II-й, стр. 21, 22-я и др.

совь и Половцевъ Татары положили первое начало, сравнительно, высокой гражданственности на нашемъ Поволжьѣ; въ немъ возникли ихъ прекрасные каменные города, изъ коихъ, наиримъ, Сарай—зимовье золотоордынскихъ царей—могъ соперничать по своей величавъ, богатству и религиозному значенію со многими древними городами Востока¹⁾, являясь обширная торговля, могущество новой державы вызвало частыя дипломатическія и другія сношенія съ христіанскимъ Западомъ и мусульманскимъ Востокомъ, и даже въ Поволжье сдѣлались хорошо извѣстнымъ образованному міру. Кромѣ путешествій по добрымъ прѣводному выше Рубруквиса и историческимъ трудовъ, наиримъ Рашид-Аддина, Шерефетдина-Али и многихъ другихъ, до нашихъ дней сохранились хотя и не многія, прекрасныя географическія карты Золотой орды, сдѣланныя ея современниками, разумѣется, глазомѣрно. Изъ нихъ особенное вниманіе обращаютъ на себя двѣ карты: первая по времени составлена въ 1367-мъ году въ разцвѣтѣ могущества Золотой орды братьями Пиндиганъ изъ венеціанцевъ—бѣглыми по вѣнскихъ торговцевъ той страны—и, по вѣнскій фронтности, ради торговаго мореплаванія; на этой весьма большой, иллюминированной художественными украшениями картѣ, Россія занимаетъ лишь сѣверовосточный ея уголокъ и вторая карта представляющая землю въ видѣ очень большого круга и составляющая спеціальныи и многотѣтныи трудъ и вѣнскій венеціанскаго же ученаго космографа изъ монаховъ Фра-Мауро, околочена имъ въ 1459-мъ году. Золотая орда изображена на ней очевидно изъ болѣе ранней и лучшей эпохи ея существованія.

Обѣ названныя карты Поволжья не повторяя другъ друга и представляя очевидно, самостоятельныя труды ихъ составителей, изображаютъ цѣлый рядъ городовъ и селеній или городовъ (locasur) по обѣимъ берегамъ Волги въ предѣлахъ Саратовскаго Поволжья. На картѣ Пиндиганъ цѣль, прежде всего, обращаютъ

¹⁾ По извѣстнымъ Момари, Ибнъ-Батуты и др. см. „Сборникъ Топографическаго описанія“, 1-й, стр. 241, 243—36-я и др.

²⁾ Обѣ эти карты и карта 1375 г., изъ Каталонскаго атласа, издаваема мною съ комментаріями въ 1-й и 2-й вып., II-й т., „Трудъ Саратов. арх. комиссіи“, 1889 г.

на свои вниманіе ниже изображеннаго на ней города Самары урочище подъ именемъ сисга (т. е. островъ или полуостровъ), въ мѣстѣ расширенія Волги, со множествомъ острововъ, по обѣимъ сторонамъ котораго означены два города: на правой *Lochabi* и на лѣвой *yalaski*, другъ противъ друга: на картѣ Фра-Мауро послѣдній городъ по гавленъ ниже Самары, на устьѣ небольшого лѣваго притока Волги (Саратовки?), и также противъ города на правомъ ея берегу. Мѣсто это на обѣихъ картахъ несомнѣнно соответствуетъ окрестностямъ нынѣшняго Саратова, противъ котораго Волга в теберь еще образуетъ весьма обширную и густую сеть протоковъ, въ которой еще Олдерій 250 лѣтъ тому назадъ, итыви по одному изъ этихъ протоковъ мимо стараго Саратова нашелъ архидіакопъ подъ именемъ Сорока острововъ. Все это приводитъ насъ къ безспорному заключенію о томъ, что городъ *Lochabi* на картѣ Пидига ни изображаетъ Укель, а *yalaski* или *ййлакъ* (т. е. лѣтнее становище) — готъ татарскій городъ, который находился на мѣстѣ стараго русскаго города Саратова, основаннаго около 1590-го года на устьѣ рѣч. Саратовки, и, слѣдова-тельно, существовалъ уже въ срединѣ 14-го вѣка. Подъ своимъ настоящимъ именемъ *Сары-Тая* (Желтая гора) это поселеніе встрѣчается впервые въ г. н. болгарской лѣтописи, писанной Шерифетдиномъ Булгаринъ въ 16-мъ вѣкѣ. Изъ сдѣланныхъ имъ указаній слѣдуетъ заключить, что *Сары-Тая* и *Сары-Тас* существовали уже въ срединѣ 15-го вѣка въ числѣ татарскихъ поселеній, жителей которыхъ шейхъ Касимъ изъ Новои Казани училъ правиламъ ашурана³⁰⁾. О томъ, что русскій Саратовъ былъ основанъ на лѣвомъ берегу Волги, на мѣстѣ древняго татарскаго города, свидѣльствуетъ намъ очевидно, знаменитый голландскій географъ. Никодяй Витзенъ, посѣдившій Россію въ 1666-мъ и 1677-мъ годахъ. Онъ нашелъ за Волгою русскій Саратовъ въ видѣ маленькаго городка, на развалинахъ вѣкогда громаднaго татарскаго города, построеннаго изъ обожженнаго кирпича, остатки котораго перешли въ то время на постройку укрѣпленій и церквей въ Астрахань, и сохрaявшаго еще остатки многихъ богатыхъ

³⁰⁾ Учен. записки Казан. универс., кн. III-я, 1852г., ст. Березина и Труды вост. отд. Археол. общ., ч. IV-я, 1859 г., ст. Вельяминова-Зернова.

палатъ и между ними большого увеселительнаго дворца, построеннаго, по предположенію этого писателя, Тамерланомъ при даже Александромъ и лишь разрушеннаго Тамерланомъ ³¹⁾.

На мѣстахъ Царицына и Сумеркента на указанныхъ мною картахъ есть также соответствующіе имъ татарскіе города, а около нынѣшней Дубовки означенъ (на картѣ *Фра-Мауро* и на *Каталонской*) городъ *Welschan* или Бельджаманъ Абульфеда, развалины котораго были изслѣдованы въ 1888-мъ году саратовской архив. комиссіей ³⁵⁾.

Что касается столицы Золотой орды *Сарая* (т. е. дворца), то на обѣихъ этихъ картахъ онъ помѣщенъ на верховьяхъ волжскаго протока (Ахтубы): у Индигани съ эпитетомъ *civitas* (степлица) и у Фра-Мауро съ эпитетомъ *grandis*. Кроме того на устьѣ того же протока на первой картѣ означено урочище *Weste de lo Sara*, а на второй — городъ Малая Сарая. Покойный ориенталистъ, проф. В. В. Григорьевъ находилъ древнѣйшій, основанный Батыемъ около 1253-го года Сарай въ извѣстныхъ своей обширностью и богатствомъ находокъ развалинахъ „Царевы Палаты“ на Ахтубѣ, которыя начинаются лишь въ 20 верстахъ къ сѣверовостоку отъ гор. Царицына у села Безроднаго и простираются по днѣ довольно возвышенныхъ холмовъ черезъ гор. Царевъ и ниже, по весьма обстоятельному описанію ихъ покойнаго А. Леопольдова въ 1849-мъ году см. *Сюжнскъ В. Григорьева „Россия и Азія“ 1876 г., стр. 290—293*). Этотъ послѣдній ³²⁾ и покойные же проф. Саблуковъ и Ф. Бруль находили Батыевъ Сарай на 250 верстъ ниже Царевыхъ Палатъ по теченію Ахтубы, а именно въ развалинахъ Селитрянаго городка въ 110 вер. выше Астрахани: въ Царевыхъ же Палатахъ они видѣли слѣды Ночнаго Сарая. Къ тому же заключенію пришелъ и послѣдній по времени писатель по этому вопросу г. Кобеко (вып. 3 и 4 г. IV *Вѣст. вост. отд. Рув. Арх. общ.* 1890 г.).

³¹⁾ „Сверная и восточная татарія“, П. Виттена, на рисункѣ *Вост. 2* т. 1, 1705 г., стр. 604 и 715—715-я.

³²⁾ „Труды“ его т. I-й, вып. 3-й и 4-й, 1881 г. „Водяское городище“ Толмачова Од. 1890 г.

³⁵⁾ Въ своемъ первомъ трудѣ 1830 г. до сдѣланія В. В. Григорьева въ 1845 г.

Въ виду довольно точнаго указанія Рубруквиса о томъ, что онъ, спускаясь по Волгѣ „все прямо на югъ“, нашелъ Сарай при первоначальномъ раздѣленіи ея на три большіихъ рукава, гдѣ отмѣчаетъ его и Абульфеда въ своей „Географіи“ 1321-го года, говоря, что онъ находится на поворотѣ Волги съ юга на юговостокъ къ Каспійскому морю, — первое мнѣніе представляется намъ почти достовѣрнымъ и, во всякомъ случаѣ, гораздо вѣроятнѣе второго. Въ его достовѣрности убѣждаетъ насъ и свидѣтельство лишь недавно сдѣлавшагося извѣстнымъ русскимъ ученымъ восточнаго писателя Эвнувейри; этотъ писатель, умершій въ 1335-мъ году, въ своей исторіи Золотой орды, называя Сарай ея столицею съ самаго ея основанія, упоминаетъ подъ 1297-мъ годомъ, что „рѣка Донъ находится близъ Сарая, гдѣ живетъ царь Токта“. Се истряный городокъ отстоитъ отъ Дона въ разстояніи 400 верстъ. Второй или Новый Сарай на устьѣ Ахтубы былъ, вѣроятно, основанъ ханомъ Узбекомъ, который умеръ въ немъ въ 1342-мъ году.

Весьма обильныя находки золотордынскихъ монетъ 14-го вѣка въ одиочку (наприм. въ курганахъ) и цѣлыми кладами по берегамъ Волги и на обширномъ отъ нея въ обѣ стороны разстояніи, въ связи съ сохранившимися болѣею частью татарскими на вѣнцѣхъ живыхъ урочищъ въ Саратовскомъ Поволжьи, свидѣтельствуютъ о томъ, что оно повсемѣстно было обитаемо Татарами въ эту эпоху. Весьма замѣчательное и, повидимому, полное отсутствіе въ его почвѣ т. н. куфическихъ монетъ съ 7-го по 10-й вѣкъ, принадлежавшихъ ханствамъ центр. Азіи (Хивѣ, Бухаріи, Персіи и др.) и встрѣчающихся нерѣдко въ кладахъ Казанской губ., средней и даже западной Россіи), весьма вѣроятно объясняется тѣмъ, что его древнѣйшіе обитатели не имѣли политическаго значенія вѣдъ съ Болгарами и Хазарами лишь мѣловую торговлю.

До сихъ поръ археологическія изысканія въ предѣлахъ Саратовскаго края производились почти исключительно на берегахъ

1) «Сборникъ Тилленавлена», т. I-й, стр. 149—159-я; 263 и 447-я

2) О куфическихъ монетахъ въ Россіи, Григорьева, въ его Сборн. Россія и Азія. „Монеты Джучидовъ“ П. Савельева, выпускъ 2-й, 1858 г., стр. 186-я.

Волги и лишь благодаря сохранившимся въ архивныхъ документахъ позднѣйшаго времени указаніямъ и случайнымъ находкамъ ученыхъ путешественниковъ конца 18-го вѣка, мы убѣждаемся въ томъ, что не только татарскіе улусы, но и города не ограничивались одними берегами Волги. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ найденныхъ мною документовъ 17-го вѣка по Хвалынскому уѣзду говорится о Золотой горѣ (около рр. Терешки и Мазы) „на которой каменное городище“. Дотѣ всего на этихъ городищахъ сохранялись каменные мечети, какъ болѣе прочныя зданія, и по этому въ преданіяхъ позднѣйшаго русскаго населенія объ этихъ городищахъ сохранилось воспоминаніе какъ о мечетяхъ, которыя сгнѣчались и на картахъ 16 и 17-го вѣковъ *) и развалины которыхъ сохранялись впогдѣ и до нашихъ дней, какъ, наприм., осмотрѣнныя мною въ 1887-мъ году близъ аштатскаго г. Канатая. Остатки 4-хъ каменныхъ мечетей въ Мечетномъ городкѣ (нынѣ гор. Николаевскъ, Самарской губ.) были осмотрѣны и описаны акад. Георги въ 1773-мъ году (Путешествіе его на Имед. *И.* т. II, стр. 774) и проч. На обѣихъ упомянутыхъ выше картахъ послѣднему городищу соответствуетъ весьма значительный городъ, не названный по имени, къ востоку отъ котораго у Ницигани вѣтсовано урочище съ надписью: Кладбище для царей, умеравшихъ въ сарайской рѣкѣ (Волгѣ); для нихъ погребенія служили, какъ извѣство. Сарайчукъ въ устьяхъ Яика. Вообще же эти карты, если и не всегда вѣрно размѣщаютъ ихъ географическіи матеріалы, то, во всякомъ случаѣ, служатъ намъ пригодными и незамѣнимыми указателями и руководителями при изысканіяхъ въ области, для насъ еще почти неизвѣстной.

*) Въ томъ числѣ и на „Большомъ Черномъ“

IV.

Десятилетняя эпоха существованія Золотой орды продолжалась лишь до половины 14-го вѣка. Съ этого времени, вѣдѣніе внутреннихъ междоусобій, ея могущество и благосостояніе начинаютъ клониться къ упадку. Въ 1395-мъ году знаменитый завоеватель Азіи Тамерланъ навалъ на своего ставленнаго хана Золотой орды Тохтамыша и произвелъ въ ней страшное опустошеніе. Это событіе прошло для нашихъ лѣтописей почти незамѣченнымъ, и оны упоминаютъ лишь о взятіи Тамерланомъ Сарая *) гораздо болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ событіи сообщаютъ намъ восточные писатели, и въ нихъ въ особенности современникъ Тамерлана, извѣстный персидскій историкъ Шерефетдинъ-Али и очевидецъ разоренной страны арабъ Ибнъ-Арабшахъ. По разсказу перваго изъ нихъ, монгольскія полчища Тамерлана въ 1395-мъ году, по взятіи Астрахани, двинулись къ Сарая, истребили и ограбили его въ пещель, а жителей увели съ собою. Ханъ Тохтамышъ бѣжалъ съ своимъ войскомъ вверхъ по северному берегу Волги, Тамерланъ же стремительно преслѣдовалъ его по пятамъ и выграждалъ ему путь отступленія въ сторону отъ берега Волги, вѣдѣніе чего множество повновъ Тохтамыша было убито или взято въ плѣнъ, и самъ онъ спасъ свою жизнь лишь тѣмъ, что у Укека просилилъ переправити на приготовленныхъ плотахъ на луговой берегъ Волги и затѣмъ, скрившись въ непроходимыхъ лѣсахъ Ботарскихъ. Покоривъ Золотую орду и сосѣднія съ нею страны и ограбивъ и разрушивъ всѣя деревни и города, каковы: Укекъ, Маждаръ, Азовъ и другіе (въ числѣ коихъ, весьма вѣроятно, пострадалъ и лежавшій противъ Укека Сары-Тау, развалины котораго видѣлъ Витгенъ)

*) См. Карамзина, т. V-й, прим. 150.

201852.

Тамерланъ возвратился изъ этого похода обратно въ Азію ³⁹). Ибнъ-Арабшахъ къ этому дѣлаетъ весьма вѣроятное добавленіе о томъ, что много Татаръ изъ Золотой орды ушло съ Тамерланомъ въ качествѣ плѣнныхъ, а несравненно большая часть ихъ переселилась въ Византію и Россію, такъ-что страна ихъ совсѣмъ опустѣла и обезлюдѣла, привалы и водоносныя были покинуты, и проѣздъ по этой пустынѣ сдѣлался невозможнымъ ⁴⁰).

По общему преданію, твердо сохранившемуся между казанскими Татарами, и по свидѣтельству ихъ писателей. Тамерланъ въ своемъ походѣ вверхъ по Волгѣ достигъ до горъ Болгара и разорилъ его и другіе города Болгаріи, что вполне подтверждается существованіемъ городскихъ развалинъ, видѣнныхъ въ 17-мъ вѣкѣ иностранными путешественниками по Волгѣ, наприм. Олсариемъ. Впослѣдствіи и Стрюисомъ ниже впаденія въ нее Камы. Разоривъ Поволжье, Тамерланъ направилъ свой страшный путь на Россію, разорилъ гор. Елецъ, но отсюда повернулъ на востокъ владъ по теченію Дона, и разорилъ Азовъ и, кажется, на пути къ нему Вельджаманъ (Ист. Золот. орды Хаммера, стр. 62. прим. 3).

Хотя Сарай и сохранилъ свое существованіе послѣ разгрома Золотой орды Тамерланомъ (вмѣстѣ съ Новымъ Сараемъ, судя по монетамъ, продолжавшимъ носить оба эти имени), но съ этого времени онъ, очевидно, потерялъ уже свое важное значеніе и скоро пришелъ къ совершенному упадку. Въ 1472-мъ году на него напали вятчане, ограбили его и увезли жемчугъ отсутствовавшего хана. Последний ударъ нанесъ Сарая союзникъ великаго князя Ивана III-го, крымскій ханъ Менгли-Гирей, который въ 1562-мъ году напалъ на Саракскую орду и окончательно разорилъ ее ⁴¹). Такъ, по выразителю лѣтописца, „Батыевъ юртъ вли

³⁹ „Исторія Гимуръ-Бекъ“, царя монгольскаго, писанная Шерефетдиновымъ-Али и переведенная на франц. яз. Пети-де-ла-Круза, т. II-й, 1722 г., стр. 355, 381, 383-я

⁴⁰ „Сборникъ“ Тимонина, т. I-я, стр. 466—471-я

⁴¹ „Ист. Россіи“ Иновайскаго, т. II-я, стр. 471—472-я. „Ист. Россіи“ Соловьева, т. V-й изд. 4-е, стр. 109-я

Сараи Большие были порушены и опустыли, и почти царь Ордыевские жить въ Астороханн⁴. Такимъ образомъ ближайшимъ наследникомъ Золотой орды съдѣлалось царство Астраханское, бывшее до того времени однимъ изъ мелкихъ вассальныхъ ханствъ Багыева юрга.

Для другихъ тагарскихъ поселеній Саратовскаго Поволжья запустѣннѣе наступило гораздо ранѣе и совпадаетъ, по видимому, съ эпохой нашествія Тамерлана, насколько можно судить по огнюгидемуси сюда нумизматическому матеріалу, собранному въ довольно значительномъ количествѣ. Такъ найденныя въ развалинахъ Укека монеты (по опредѣленію болѣе 2 тыс. штукъ) принадлежатъ времени не позже 1371-го года, въ развалинахъ Бельджамана—не позже 1361-го года и найденныя въ городахъ: самодуровскомъ (Хвалын. у.) воскресенскомъ (Вольск. у.) сарваискомъ и чедневскомъ (Кузнецк. у.) низовскомъ (Ломовск. у.) и др. а также и въ одиночку—не позже правленія хана Тохгамыша.

О томъ, какъ опустыло и облюдовало и прежде Поволжье въ концѣ существованія Золотой орды кослѣ той значительной степени его населенности, о которой свидѣлствуютъ, напримѣръ, означенныя выше карты, показываютъ намъ два путешествія того времени: извѣстнаго русскаго путешественника въ Илрю. гунца Анастасія Никитина, и въ особенности знаменитаго Амвросія Контарини, посланника Венеціанской республики. Первый изъ нихъ лѣтомъ 1466-го года отправился по Волгѣ, отъ Твери до Астрахани, мимо Новой Казани и говоритъ, что онъ благополучно прохлалъ Казань, орду (вѣроятно гдѣ-либо на лѣтней кочевкѣ), Усянъ (р. Еруслань), Сарай и Берегъ аны (по всей вѣроятности Новый Сарай), послѣ чего вошелъ въ р. Бузачь, гдѣ былъ ограбленъ татарами, и прошелъ мимо Астрахань въ море. Никакихъ другихъ населенныхъ пунктовъ на нижней Волгѣ онъ не называетъ. Контарини пересѣкъ Саратовское Поволжье въ поперечномъ направленіи, проѣзжая сухимъ путемъ лѣтомъ 1476-го года въ Астрахани въ Москву съ торговымъ караваномъ изъ 300 человекъ. Онъ являя наведенія

⁴ „Ист. Карачина“, т. VI-й, прим. 62-е и „Полное собраніе сочиненій“, т. VI-й, стр. 331—335-я

хана Большой орды. кочевавшаго тогда къ югу отъ донскаго волока. тотъ караванъ отправился изъ Астрахани вверхъ сѣверной стороною Ахтубы съ тѣмъ, чтобы миновать волокъ, гдѣ могло быть сдѣлапо нападеніе, и чрезъ 15-ть дней, миновавъ его п. слѣловательно, не видавъ Стараго и Новаго Сараявъ. 28-го августа, переправился на правый берегъ Волги, выше волока (около нын. Дубовки), на срубленныхъ идѣсь же въ лѣсу плотахъ, привязавшихъ къ хвостамъ лошадей. Съ пункта переправы этотъ путешественникъ Ехатъ, сначала все въ сѣверномъ направленіи. потомъ постепенно отклонялся на западъ къ Рязани. На всемъ этомъ пути, продолжавшемся около мѣсяца и направлявшемся чрезъ нынѣшній Тамбовъ, онъ не нашелъ ни одного селенія или кочевья и даже ни малѣйшихъ слѣдовъ дорогъ. Караванъ ночевалъ подъ открытымъ небомъ, ограждаясь своими повозками (арбами) въ видѣ крѣпости и разставленными часовыми: нерѣдко оставаясь цѣлыя сутки безъ воды, чтобы напоить лошадей и нигдѣ не находя лѣсу, такъ-что варить пищу приходилось на сухомъ коровьемъ пометѣ. Только одинъ разъ имъ встрѣтился караванъ изъ 20-ти повозокъ съ нѣсколькими татарами. Первое поселеніе—небольшую, русскую деревушку среди лѣса—онъ нашелъ 22-го сентября лишь близъ Рязани. Пространство къ сѣверу отъ пройденной Конгарини близкой стени было населено, какъ онъ слышалъ потомъ, языческими инородцами, между которыми мы узнаемъ изъ его описанія обитательницу тѣсной области Марду²²⁾.

На дуговой сторонѣ Саратовскаго Поволжья, съ началомъ Золотой орды, обособилась и приобрѣла потомъ довольно важное историческое значеніе независимая орда *Ногайскія татары*, подъ верховною, хотя и весьма слабою, властью пасѣдственнаго князя. Центромъ управленія и зимней резиденціи князя былъ городъ Саранчукъ на правомъ берегу Иика, недалеко отъ Каспійскаго моря. Къ сѣверу кочевья этой орды доходили иногда до Камы. Усилившіяся, послѣ покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ, нападенія Ногаевъ на юговосточныя украины Россіи вы-

²²⁾ Библиот. иностр. шест. о Россіи, т. I-й. 1836-го года.

знали въ концѣ 16-го вѣка построене первыхъ русскихъ городовъ на нижней Волгѣ: Самары, Саратова и Царицына.

Что касается весьма важнаго вопроса о времени возникновенія первыхъ русскихъ поселеній въ низовомъ Поволжьи вообще, то до сихъ поръ еще не было сдѣлано специальныхъ изысканій по этому вопросу, и онъ разрѣшался лишь, болѣе или менѣе, гадательно на основаніи общихъ соображеній. По установленному граф. В. И. Ламанскимъ и покойнымъ Артемьевымъ в общепринятому мнѣнію, русская колонизація началась въ этомъ Поволжьи съ древнѣйшихъ временъ и непрерывно продолжалась до настоящаго времени ⁴¹⁾. Это мнѣніе основывается, главнымъ образомъ, на томъ историческомъ фактѣ, что уже въ 1261-мъ году въ городѣ Саракъ была основана православная епископская кафедра, въ 1269-мъ году къ ней была присоединена южно-перелавская, в новѣ возникшая епископія получила названіе сарайской и подонской: она находилась въ содѣйствіи съ рязанской епископіей, отъ которой ее отдѣляли рр. Ворона и Хоцерь. Начиная съ Митрофана, ея послѣдовательно управляли 12 епископовъ и при последнемъ изъ нихъ Вассіанѣ во второй половинѣ 15-го вѣка, съ утратою Сарая ея политическаго значенія, она была фактически упразднена: ея епископы перевезены на жительство въ Москву, на Крутицы, и получили въ свое управленіе мѣста, входящія въ составъ вышнихъ Орловской, Тульской и Смоленской губ., хотя и продолжали еще называться епископами сарайскими и подонскими ⁴²⁾.

Какъ восточные, такъ и западные писатели, начиная по крайней мѣрѣ съ 9-го по 16-ый вѣкъ, не знали русскихъ поселеній на Волгѣ отъ ея устья до горъ Болгара за исключеніемъ русской колоніи въ гор. Итилѣ, а потомъ въ Саракъ, и въ эпоху монгольскаго владычества весьма немногихъ пунктовъ на рѣкахъ, гдѣ русскіе поселки были основаны ханами Золотой орды для содержанія перевозовъ въ интересахъ торговыхъ и дипломатиче-

⁴¹⁾ „О славянахъ въ Малой Азіи“, 1839 г., стр. 48—60 и „Списокъ населен. мѣстъ Саратовской губ.“ 1862 г.

⁴²⁾ „Списокъ іерарх. рус. церкви“, П. Спросовъ, 1877 г., стр. 101 и „Ист. рус. церкви“, митр. Макаріи, т. VI-й, стр. 356.

скихъ сношеніи. Въ древніе писатели единогласно говорятъ Руссахъ и Славянахъ, какъ о пришельцахъ, являвшихся, наприм. съ Русскаго, т. е. Чернаго моря, на вѣжую Волгу, населенную разными инопордцами, ради торговли или грабежа, и если называютъ ее иногда славянскою рѣкою, то лишь потому, что она вытекаетъ почти изъ невѣдомой имъ страны Ставявъ⁴⁶⁾. По мнѣнію вѣстнаго автора „Исторіи рус. церкви“, митропол. Макарія (т. IV, 1846 г., стр. 13 и 123), сарайская епископія была основана въ 1261-мъ году какъ ради тѣхъ плѣнныхъ, которые плѣыми тысячами были отводимы изъ Россіи въ орду, такъ и ради гѣхъ, которые по другимъ причинамъ долгое время проживали тамъ, какъ, наприм., русскіе и греческіе купцы, и служивые люди. Это же мнѣніе высказываетъ и Д. Н. Иловайскій въ своей „Исторіи Россіи“ (т. I, ч. 2, стр. 429). Первый историкъ, основывающійся на свидѣтельствѣ сарайскаго епископа Теофиоста (1301 г.), находилъ также, что „въ составъ сарайской епархіи входили не только русскіе и греки, проживавшіе въ ханской столицѣ, но и монголы, принявшіе св. вѣру и жившіе въ другихъ мѣстахъ этой епархіи“.

Исключительныя мнѣнія о древности русской колонизаціи въ Саратовскомъ Поволжьи въ подтвержденіе этой древности указывали также на неоднократно возникавшіе въ 14-мъ вѣкѣ споры между сарайскими и рязанскими епископами о границахъ между ихъ епископіями: но эти споры касались лишь, г. н. Червленаго яра — мѣстности между Дономъ и низовьямъ Хопра, — составлявшей въ то время степную украину Рязанскаго княжества, укрепленную городками (караутами) и населенную служивыми людьми („Ист. Карамзинна“, т. IV-ый, прим. 362 и т. V-ый, прим. 55 и 254). Русская колонизація Саратовскаго Поволжья могла начаться и дѣйствительно началась въ видѣ перваго опыта, какъ показали намъ спеціальныя архивныя изысканія, лишь въ концѣ 16-го вѣка по покореніи Казанскаго и Асграханскаго царствъ. Одновременно и

⁴⁶⁾ „Сказаніе мусульм. писателей о Слав. и Рус.“, Гербави 1870 г. „Ибиль-Дустъ“, Хвольсона 1869 г. „Боринь“, Тилевгелера по ист. Золигъ-орамъ, т. I: „Путешествіе“, Рубиница, гл. XV. „Полѣмни Руси въ 12-мъ вѣкѣ“, писатели рязанскіи Славянъ вѣкѣхъ.

послѣ сего успѣхи ея весьма продолжительное время задерживались набѣгами тѣхъ кочевыхъ обитателей южныхъ и юговосточныхъ степей, которые, послѣ общими именемъ Татаръ, входили сначала въ тѣсно сплоченныи сильною ханскою властію разноплеменный составъ Золотой орды: начиная же съ 15-го вѣка, при распаденіи ея, выдѣлились по племеннымъ отличіямъ въ особыя орды, извѣстныя подъ различными названіями: Крымскихъ, Кубанскихъ, Ногайскихъ и другихъ татаръ, разорявшихъ своими частыми набѣгами не только сосѣднія русскія украины, но и своихъ соплеменниковъ въ областяхъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ въ продолженіе почти 400 лѣтъ. Многіе города и селенія, существовавшіе, какъ мы уже видѣли, по Волгѣ въ эпоху процвѣтанія и могущества Золотой орды, по разореніи ея Тамерланомъ, не могли возникнуть вновь, и все нижнее Поволжье вплоть до дѣсной области Мордвы и Мещеры оставалось почти никѣмъ необитаемымъ до конца 17-го вѣка. До этой эпохи русскіе неслужилые люди являлись на нижней Волгѣ лишь въ качествѣ временныхъ посѣтителей — торговцевъ и рыболововъ. — нерѣдко и грабителей — новгородскихъ ушкуйниковъ. О посѣщеніи рыболовами нижняго Поволжья Казанская лѣтопись сообщаетъ, наприм., слѣдующее интересное извѣстіе подъ 1521-мъ годомъ: Шихъ-Алей на пути въ Москву, везе съ собою болѣе тысячи рыболововъ московскихъ, ловящихъ рыбы на Волгѣ послѣ горами Дѣвичици и до Амиева камня и до Увѣка, тысяча верстъ отъ Казани захвавши, тамо живяху лѣто все и въ осень возвращахуся на Русь съ рыбою⁴⁷⁾. Въ эпоху Ивана Грознаго съ верховьевъ Волги каждое лѣто проходило 500 большихъ и малыхъ судовъ до Астрахани за солью и рыбою⁴⁸⁾.

Къ эпохѣ влѣдѣ за покореніемъ Казани и Астрахани относятся три весьма интересныя путешествія по Саратовскому Поволжью: Ант. Дженкинсона въ 1558-мъ и 1562-мъ гг. и въ особенностъ Христофора Борро въ 1579-мъ году. Первый изъ нихъ, на пути своемъ въ Бухару, по Волгѣ отъ Казани до Астра-

⁴⁷⁾ „Исторія Россіи“⁴⁾, Соловьева, т. VII, изд. 3 стр. 64; „Оч. торговли Москов. госуд.“ въ 16 и 17 стол., Каштомарова, изд. 2, стр. 117—121.

ханы не встрѣтили еще на ся берегахъ ни одного города. Миновавъ большую р. Самару, текущую черезъ землю Ногаевъ, онъ на половинѣ пути между помянутыми городами проѣхалъ мимо высокаго холма, на которомъ замѣтилъ развалившіеся крѣпости (Укекъ), построивную иѣкогда Крымцами (?), и на 8-ой день прибылъ къ переволоку, шхривую между Дономъ и Волгою въ 9 верстѣ (?). Это самый опасный на Волгѣ пунктъ отъ нападений воровъ и разбойниковъ: ниже его путешественнику представился пустырь по обонмъ берегамъ Волги, на которомъ онъ встрѣтилъ большую толпу Ногаевъ со стадами и съ палатками на поволкахъ, принадлежавшую мурзѣ Смиглу. После своего второго путешествія въ 1562-мъ году онъ составилъ карту Московіи и Татаріи, изданную известнымъ географомъ Ортелиусомъ въ 1595-мъ году въ его старѣйшемъ атласѣ *Theatrum orbis terrarum* (Антверпенъ).

Второй путешественникъ Хр. Борро черезъ 17-ть лѣтъ нашелъ уже ниже Казани гор. Тетюши и, затѣмъ, лишь между переволокою в Астраханью шесть карауловъ для защиты отъ воего плаванія отъ нападенія татаръ и казачковъ: на островѣ Царипинѣ, лежащемъ на 7 верстѣ ниже переволоки (островъ Царипинскій тожъ), въ космѣ правительство содержало въ теченіе лѣтняго времени 50 стрѣльцовъ и пять такихъ же карауловъ ниже его: Каменный, Ступинъ, Палой, Кичевуръ и Инкебренъ (около нын. Замьяиовской станицы). Инакихъ другихъ поселеній въ этомъ пустынномъ краѣ Борро не нашелъ и на возвратномъ пути въ 1581-мъ году на тяжеломъ стругѣ и въ сопровожденіи 57 человекъ, терпя недостатокъ въ съветныхъ припасахъ, долженъ былъ высадить за ними въ Тетюши своихъ товарищей на лодкахъ, возвращавшихся съ припасами на продолжавшій плаваніе стругъ. Этотъ же путешественникъ оставилъ намъ весьма интересное описаніе развалинъ Укека. Онъ говоритъ, что то былъ красивый каменный замокъ: къ нему примыкалъ городъ, называвшійся у русскихъ Содомомъ и провалившійся въ землю по нечестію его обитателей. И по сей день, говоритъ онъ, видна еще часть замка и въ видѣ развалинъ и иѣсколько могилъ, повидному знатныхъ людей, ибо на одномъ изъ надгробныхъ камней видно

изображеніе коня и всадника на немъ съ лукомъ въ рукѣ и имѣющаго на боку колчанъ со стрѣлами, а на другомъ камнѣ— гербъ съ вырѣзанными буквами ⁴⁸⁾.

Проходя мимо Укека коренною Волгой, оба названные путешественника не могли видѣть здѣсь же за островомъ, на рукавѣ Волги и рѣч. Саратовѣ, другихъ болѣе значительныхъ развалинъ Сары-Гау, которыя, почти сто лѣтъ спустя, видѣть и описать голландецъ Витзенъ.

Населеніе Саратовскаго края кыпчакскими его обитателями, какъ русскими, такъ въ равной степени и различными иноплеменными, началось, но твердо установленному продолжительнымъ опытомъ порядку постепеннаго укрѣпленія и населенія южной и юговосточной украинъ Московскаго государства, не ранѣе конца 17-го вѣка, съ проведеніемъ сызранско-пензенской сторожевой черты (въ 1681—1683 гг.), и продолжалось весьма медленно, начиная съ сѣверной части края. Первые русскіе города Саратовъ и Царицынъ, основанные ровно за сто лѣтъ до начала этого населенія, представлялись лишь въ видѣ передовыхъ укрѣпленій и форпостовъ, выставленныхъ, главнымъ образомъ, противу Ногайскихъ татаръ, кочевавшихъ въ Поволжьѣ.

До основанія Саратова и Царицына плѣнямъ береговъ юговосточной украинъ Россіи отъ нападеній степныхъ кочевниковъ служили совершавшіеся здѣсь сторожевые разъѣзды съ обычнымъ построеніемъ станицъ и городковъ или острожковъ для стражи, высылаемой на разъѣзды изъ сосѣднихъ украинскихъ городовъ лишь съ равней весны до выпаденія глубокихъ снѣговъ, т. е. на время, въ теченіе коего совершались вторженія кочевниковъ. Устройство этихъ сторожевыхъ укрѣпленій въ Саратовскомъ Поволжьѣ началось никакъ не ранѣе половины 16-го вѣка, и дѣлаемая иногда въ подтвержденіе болѣе ранняго ихъ существованія ссылка на грамоту митрополита Алексѣя 1360-го года на Червленый яръ „и въ караулы водѣ Хофра до дош“ („Ак. истор.“, т. I, № 3), каковыя караулы продолжати су-

⁴⁸⁾ Путешествія А. Дженкинсона и Борро взяты мною изъ англійскаго „Сборника путешествій“, издан. Гаклюйтомъ въ Лондонѣ 1839 г., т. II, 1839—1842 г., г. I.

пдствовать еще и въ самомъ началѣ 15-го вѣка⁴⁹, сюда огноситься не можетъ: ибо несомнѣнно, что эти караулы „воздѣ Хоира у Дона“ находились ниже впаденія въ Хоперь р. Вороны, сѣдовѣтельно, въ предѣлахъ нын. Вороиожской губ. или области Войска Донского, и служили въ то время степной украинной Рязанскаго княжества.

Въ половинѣ 16-го вѣка велѣдъ за покореніемъ Казанскаго царства, сторожевую линію городовъ юговосточной украинны Россіи составляли: Шацкъ, Кадомъ, Темниковъ и Алатьри. Первую по времени линію лѣтвихъ аванпостовъ отъ этихъ городовъ составляли т. и. *мещерскія сторожи*; онѣ были основаны около 1555-го года по ивніи. начивавшейся у верховьсь Сурь, на рѣч. Барышѣ и направлявшейся на западъ почти до р. Цны, и состояли изъ 4 или 5-ти острожковъ или городковъ, высылавшихъ въ свою очередь наблюдательные разъѣзды въ степь⁵⁰. По всей вѣроятности, къ этой же системѣ персидовыхъ вѣрблелій, или къ этому же времени относилсь и многіе найденыя мною городки, сохранившіеся вмѣстѣ съ различными памятниками домашняго и военнаго быта ихъ обитателей по рѣкамъ: Сурѣ, выше Пензы, и Узѣ, въ предѣлахъ Кузнецкаго и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ, съ длиннымъ сторожевымъ вадомъ, проходящимъ мимо села Паскафьма и защищающимъ съ восточной стороны уголь между помянутыми рѣками. Въ числѣ этихъ правильно расположенныхъ по Сурѣ городковъ находилсь и тотъ старый городокъ при впаденіи въ нее рѣч. Пензы, на которомъ возникла сначала Старо-Черкасская казачья станция, а потомъ, очевидно въ 1665-мъ году *городъ Пенза* (по моимъ изысканіямъ). Городище на р. Юловѣ на которомъ въ 1681-мъ году возникъ городокъ—Юлово городище, нынѣ *гор. Городище* также должно быть отвесено къ той же эпохѣ (Остатки его описаны Палла-сомъ въ путеш. 1768-го года, ч. I-я, стр. 124-я).

Въ 1571-мъ году, независимо отъ мещерскихъ сторожъ, были учреждены по *Волгѣ* сильныя сторожевыя разъѣзды, въ центрѣ

⁴⁹ „Ист. Карамзина“, т. V-й, прим. 234-е.

⁵⁰ „О сторожев. службѣ“, Бѣяева стр. 7-я и 8-я и „Дѣла Моск. гос.“, т. I-й, 1890-го года, №№ 9-й и 14-й.

которыхъ была основана близъ сохранившагося донынѣ на лѣв-
номъ берегу Волги, противъ Саратова, Караманскаго лѣса больша-
я станица, въ которой подъ начальствомъ готы изъ лучшихъ
казанскихъ или свѣяжскихъ боярскихъ дѣтей содержались еже-
годно въ теченіе всего лѣта 135 человекъ боярскихъ дѣтей,
татаръ, казаковъ, мордвы и чувашъ по росписанію изъ разныхъ
городовъ юго-восточной украины. Гарнизонъ этой станицы дол-
женъ былъ совершать свои разъѣзды вверхъ по Волгѣ въ тече-
ніе четырехъ дней до города Тетюшъ и внизъ въ теченіе менѣе
трехъ дней до верховья рѣч. Балыкеея (Царпынскаго уѣзда),
гдѣ его разъѣзды смыкались съ разъѣздами станицы, основанной
на Дону выше устья Хопра. Караманская станица по величинѣ
своего гарнизона была самымъ значительнымъ изъ всѣхъ совре-
менныхъ ей передовыхъ укрѣпленій этого рода. Положеніе ея
довольно точно опредѣляется въ актахъ, она находилась *въ полѣ
на Волгѣ* (т. е. на степномъ ея берегу) *въ Караманскомъ
лѣсѣ*, который и донынѣ занимаетъ весьма обширное про-
странство на устьяхъ рѣкъ Волгого и Малаго Карамановъ,
вдоль Волги⁵¹⁾. Помянутая станица, какъ я старался доказать
въ своемъ докладѣ VIII-му археологич. съѣзду въ Москвѣ по
исторіи стараго Саратова, была основана у нижняго по теченію
Волги края этого Караманскаго лѣса, на устьѣ рѣч. Саратовки,
на томъ мѣстѣ, которое занималъ до нея древній татарскій го-
родъ Сары-Тау. Самыми удобными пунктами для построения
русскихъ укрѣпленій въ эту эпоху на южныхъ и восточныхъ
стѣнныхъ окраинахъ Московскаго государства служили обыкно-
венно старыя городища, нуждавшіяся лишь въ обновленіи
„Очерки изъ исторіи колониз.“, проф. Вагартъ, т. I-й, стр.
229-я). Никакихъ слѣдовъ этой большой станицы на Волгѣ
выше Караманскаго лѣса у нынѣшняго Баронска даже въ прош-
ломъ столѣтіи, судя по археологич. изысканіямъ здѣсь академи-
ковъ Палласа, Фалька и друг. не сохранилось. По все му
этому и приведенному выше драгоценному указанію географа
Витзена о нахожденіи Саратова на обширныхъ каменныхъ

⁵¹⁾ „Акты Моск. гос.“, т. I-й, № 4-й: „Спец. царя Евров. Россіи“
листъ 92-й.

развалищахъ слѣдуетъ несомнѣнно заключить, что на этой же станицѣ преемственно возникъ около 1790-го года, воспользовавшись, вѣроятно, ея укрѣпленіями, и русскій весьма небольшой во все время своего существованія за Волгою городъ Саратовъ, стѣны котораго существуютъ еще и въ настоящее время. Никакой Саратовской станицы, находившейся будто бы, по утверждению автора „Историч. очерковъ г. Саратова“ А. И. Шахматова на этомъ мѣстѣ еще съ 1554-го года здѣсь никогда не существовало.

Въ 1776-мъ году Караманская станица была перенесена какъ не удовлетворяющая своему назначенію, тѣеко на западъ къ существующему и донынѣ при впадѣніи р. Вороны въ Хоперь Тилеорманскому лѣсу въ мещерской области. Гарнизонъ этой новой станицы, состоявшій изъ мещеры и динской и мокшанской мордвы подѣ начальствомъ головы мещеряка совершалъ сторожевые разъѣзды отъ Тилеорманскаго лѣса „въ пять днницъ до Волги, до устья Терешки и до Змѣева камня (Змѣевыхъ горъ), который камень лежитъ выше Медвѣжья острова усть Терешки для обереженія шацкихъ, темниковскихъ, кадомскихъ, арзамасскихъ и алаторскихъ мѣстъ“¹⁾, и о замѣченныхъ сакмахъ (т. е. пронахъ) ордынцевъ доносилъ своему головѣ, а также и въ городъ Темниковъ²⁾. Никакихъ слѣдовъ укрѣпленій на указанныхъ здѣсь пунктахъ по Волгѣ, на которыхъ нынѣ расположены села: Терса и Змѣевы горы, Воскресенское тожъ, не сохранилось.

Въ 1780-мъ году станица подѣ Тилеорманскимъ лѣсомъ была также упразднена на томъ интересномъ для насъ основаніи, „что межѣ Дону и Волги воинскіе люди (т. е. ордынцы) на добываютъ, а все ходятъ новою казачьскою дорогою (между Дномъ и Доицомъ), а и поймутъ которые малые люди и придутъ на алаторскіе и орзамасккіе мѣста и на мещерскую и на верхнюю мокшанскую и на ценскую мордву, и тѣхъ людей сакмы обѣзжаютъ (т. е. наблюдаютъ) станицы Орзамаскіе“³⁾, т. е. очевидно

¹⁾ „Акты Моск. госуд.“ т. I-й, 1890-го года. № 22-й, 27-й и 28-й.
 Мещерскія станицы продолжали и въ это время совершать свои разъѣзды, какъ видно изъ статьи № 18-й.

меншерскія. Съ упраздненіемъ этихъ разбѣдовъ было приказано четыремъ упомянутымъ выше старѣйшимъ по времени основанія меншерскимъ станицамъ совершать сторожевыя разбѣды „внизъ по Дону до перволоки до волжской и ниже, въ которыхъ мѣстахъ перелазятъ Ногайскіе люди, идучи въ Крымъ или изъ Крыма въ Ногай“, и наблюдать „приходъ Ногайскихъ людей на меншерскія мѣста“⁵¹⁾. Такимъ образомъ, наблюденіе за ордынцами на Волгѣ было постепенно упразднено и сосредоточено на Дону, чрезъ который совершали свои нападенія не только Ногайцы, но и болѣе ихъ многочисленныя и опасныя Крымскіе татары.

При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, съ основаніемъ городовъ Самары, Саратова и Царицына, были снова учреждены сторожевыя разбѣды по Волгѣ, отъ Нижняго Новгорода до Астрахани, изъ летучихъ отрядовъ вольныхъ казаковъ, подъ которыми разумѣлись иногда и волжскіе яцккіе татары, принимавшіе на себя эту службу по найму, подчинявшіеся лишь своимъ атаманамъ, и доставлявшіе вѣсти воеводамъ въ города (№ 10 сторож. службъ“, Бѣляева, стр. 73 и слѣд.).

На собственноручномъ чертежѣ сына Бориса Годунова Ѳеодора Борисовича, воспроизведенномъ на прекрасной своими подробностями картѣ Россіи 1614-го года извѣстнаго Гесселя Герарда, изображена въ видѣ длинной стѣны съ запяской иапцвскы „засѣка, состоящая изъ дѣсныхъ заваловъ и валовъ (коцоновъ) устроенная царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ противъ вторженія Крымскихъ татаръ“. Она направляется по южной окраинѣ дѣсовъ, обитаемыхъ мокшанскою и сурскою Мордвою и постепенно изгибаясь отсюда къ юговостоку упирается въ Волгу ниже Саратова, на одну треть разстоянія отъ него до Царицына⁵²⁾. Хотя объ этой засѣкѣ въ предѣлахъ Саратовскаго Поволжья не упоминается ни въ одномъ изъ найденныхъ до сихъ поръ архивн. документовъ, но едва ли возможно усомниться въ

⁵¹⁾ Тамъ-же, № 31-й.

⁵²⁾ Эта карта составлена по чертежу Ѳеодора Годунова, дополненному лишь особыми свѣдѣніями о сѣверо-восточной Россіи. Она приложена Устряловымъ къ 3-й ч. сво „Сказ. соврем. о Дм. Самозванцѣ“ (изд. 2-е, 1837-10 г.).

достоверности приведеннаго о ней указанія, едѣянаго современникомъ ея основанія, почерпавшимъ по своему высокому положенію всѣ необходимыя для его труда свидѣнія изъ непосредственнаго источника. Слѣдуетъ думать, что археологическія изысканія лишь подтвердятъ ея существованіе. За истребленіемъ въ большой московскій пожаръ 1698-го года весьма богатаго историческимъ содержаніемъ архива приказа Казанскаго дворца, въ коемъ вѣданы всѣ дѣла по управленію, защитѣ и заселенію области бывшихъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, намъ по исторіи саратовскаго края 16 и 17-го вѣковъ приходится пользоваться лишь немногими болѣе или менѣе сохранившимися указаніями и документами изъ другихъ источниковъ и археологическими изысканіями.

Г.

Съ покореніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ все низовое Поволжье отъ самарской луки до Астрахани подчинилось власти московскаго правительства и присоединилось къ Московскому государству: но это соединеніе въ продолженіе около полутора вѣтъ оставалось лишь номинальнымъ. Представляя пустынную, хотя и весьма плодородную степь, состоящую въ фактическомъ владѣніи почти независимыхъ кочевниковъ и находясь на разстояніи многихъ сотъ верстъ отъ ближайшей къ нему, не переходившей еще далѣе Цны и Оки, населенной рязанской украины Московскаго государства (сравни приведенное выше въ гл. II мѣсто изъ похода кн. Курбскаго на Казань и путешествіе Контарини), низовое Поволжье лишь немногимъ ранѣе соседнихъ съ нимъ степей по Черному морю могло войти въ дѣйствительный составъ Русскаго государства и

съ помощію колонизаціи соединиться съ нимъ въ одно цѣлое. До этого же соединенія оно продолжало пока служить ему лишь судоходнымъ путемъ для торговли съ Востокомъ (въ Астрахани), для вывозки соли съ устьевъ Волги и для рыбнаго промысла. Весьма долгое время не могло явиться въ низовое Поволжье въ казачествѣ постоянного поселенца осѣдлое земледѣльческое население и покрежнему, какъ было замѣчено еще въ 13-мъ вѣкѣ Рубруквисомъ (его „Путеш.“ гл. XX), изъ русскихъ людей продолжали идти сюда лишь тѣ, кого привлекала вольная жизнь казачества и безваканность грабежей и разбоевъ по Волгѣ, сократившихся нѣсколько лишь съ построениемъ на ней русскихъ городовъ въ концѣ 16-го вѣка. Вскорѣ, по покореніи Астрахани, для грабежей въ низовьяхъ Волги и Урала начали являться, главнымъ образомъ, довскіе казаки⁵⁵⁾, вынудивше правительство прежде всего поставить для защиты судоходства тѣ укрѣпленія или караулы на переволокѣ и ниже ея до Астрахани, которые нашелъ Борро въ своемъ путешествіи по Волгѣ въ 1579 и 1581-мъ годахъ.

Ногайскіе татары, какъ и до покоренія Астрахани, одни или въ соединеніи съ Крымскими татарами, дѣлали частыя нападенія на русскія украины. Относительно Ногайскихъ татаръ въ актахъ сохранилось интересное указаніе о томъ, что они обыкновенно совершали свои нападенія на юговосточную украину по т. н. *сурской дорогѣ*, на которой и были построены противъ нихъ сначала мецкерскія сторожки, а потомъ инсарская черта⁵⁶⁾. Ихъ князья, состоявшіе въ дружескихъ и подчиненныхъ отношеніяхъ съ московскими государями, даже не всегда могли или хотѣли остановить эти нападенія. Только нерѣдкія переселенія ихъ подданныхъ въ Крымъ и нападенія волжскихъ казаковъ на ихъ улусы заставляли ногайскихъ князей обращаться съ просьбами къ русскому правительству еще въ началѣ царствованія Ивана Грознаго (въ 1556-мъ г.) о построении по низвей Волгѣ горо-

⁵⁵⁾ „Ист. Карамзина“, т. 9-й, прим. 663-е. *Донскіе же казаки положили основаніе волжскому казачеству съ его главн. орождкомъ Дубовкою, построеннымъ гораздо позже.*

⁵⁶⁾ „Доп. къ Ак. Ист.“ стр. т. 8-й, стр. 190-я.

довь на обычных перевозахъ и вообще мѣстахъ, легко переходимыхъ татарами: но трудная и весьма продолжительная война Россіи съ Польшею и Швеціей за Ливонію заставила въ то время надолго отложить построеніе новыхъ городовъ. необходимость котораго въ своихъ интересахъ создавало и само правительство: на первый разъ оно ограничилось лишь постановкою нѣсколькихъ острожковъ на р. Иргизѣ в др. мѣстахъ. Только въ началѣ царствованія Θεодора Ивановича, когда была окончена помянутая война, правительство приступило къ осуществленію своихъ намѣреній по укрѣпленію главнѣйшихъ пунктовъ на нижней Волгѣ. Ногайскій князь Урусъ въ 1586-мъ году писалъ царю Θεодору Ивановичу, что весною этого года ему сдѣлалось извѣстно, „что ты на четырехъ мѣстахъ хочешь города ставити: на Уфѣ, да на Ускѣ, да на Самарѣ, да на Бѣлой Воложкѣ (р. Бѣлая по кн. „Больш. Черт.“). А тѣми мѣстами твои хѣды и отцы владѣли ли?“⁵⁷⁾ Весною 1586-го года были дѣйствительно основаны города Уфа и *Самара*—близъ главнѣйшаго лѣтняго кочевья Ногайцевъ по р. Самарѣ, на мѣстѣ древняго татарскаго города того же имени, значившагося на картахъ 14 и 15-го вѣковъ въ числѣ другихъ городовъ Золотой орды. Основателемъ Самары былъ очевидно ея первый воевода въ 1586-мъ году и строитель нижеслѣдующихъ по Волгѣ городовъ князь Григорій Осиповичъ Засѣкинъ.

Лишь по прошествіи трехъ лѣтъ, а именно въ 1589-мъ году тѣмъ же кн. Засѣкинымъ и Иваномъ Нащокинымъ былъ основанъ *Царичынъ* („сдѣланы городъ и острогъ“), въ которомъ его строители, прибывшіе съ тѣсомъ изъ Казани, были вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми воеводами въ 1589-мъ году⁵⁸⁾. Не упоминаемый ранѣе ни въ дѣтонисяхъ и ни въ одномъ изъ многихъ актовъ, относящихся къ устройству сторожевой и станочной службъ на этой крайней въ 16-мъ вѣкѣ городъ Царичынъ, или, по крайней мѣрѣ, его острогъ, былъ несомнѣнно основанъ или

⁵⁷⁾ „О построеніи Самары и Уфы“, Пикарскаго; „Зап. Акад. Наукъ“ XXI й, кн. 2-я, стр. 239-я и 258-я

⁵⁸⁾ „Поволжье въ 15-мъ и 16-мъ вв.“, Перетягокина, стр. 316-я—317-я и „Доп. къ Акт. Ист.“ г. I-й, № 133-й.

на островѣ Царицынѣ (овъ же Саринскій). вѣроятно, на мѣстѣ того дѣтняго караула на этомъ островѣ, о которомъ говоритъ англичанинъ Борро въ своемъ путешествіи по Волгѣ въ 1579 и 1581-мъ годахъ (см. выше). Книга „Волыи. Черт.“ свидѣтельствуеъ о томъ, что городъ Царицынъ паходился первоначально на этомъ островѣ, что подтверждается в древнѣйшею изъ извѣстныхъ росписей по низовымъ городамъ, относящеюся къ 1597-му году и найденною недавно г. Холмогоровымъ въ арх. разряднаго приказа; въ этой росписи Царицынъ названъ „новымъ городомъ на Царицынѣ островѣ“.

По всей вѣроятности. Царицынъ весьма недолго пробылъ на этомъ обширномъ и подвергающемся весеннимъ наводненіямъ островѣ и, кажется, въ самомъ началѣ 17-го вѣка былъ перенесенъ уже на правый, вагорный берегъ Волги, гдѣ онъ означенъ на картѣ Россіи 1609-го года Исаака Массы и на собственно-ручнымъ чертежѣ Теодора Борисовича Годунова, умершаго въ 1605-мъ году (см. упомянутую выше карту Россіи Гесселя Герарда), гдѣ видѣтъ его Олеарій въ 1636-мъ году и гдѣ, по-видимому, гораздо ранѣе существовалъ уже небольшой острожекъ, о которомъ упоминается, наприм., въ Никоновской лѣтописи подъ 1556-мъ годомъ (т. 7. стр. 256). На картѣ Золотой орды Фра-Мауро несомнѣнно въ этомъ мѣстѣ Волги означенъ на большомъ островѣ предшествующий Царицына — безымянный городъ, вѣроятно. Сары-Чинъ болгарской лѣтописи: весьма вѣроятно также и то что существующій нынѣ немного выше Царицына у лугового берега Волги довольно большой Денежный или Голодный островъ обязанъ своимъ первымъ стариннымъ наименованіемъ обилію монетъ, оставленныхъ какимъ-либо татарскимъ же посольствомъ.

Вопросъ о времени основаніи главнѣйшаго изъ городовъ низового Поволжья—*Саратова* до сихъ поръ не рѣшенъ еще обовчательно и безспорно. Единственный изъ дошедшихъ до насъ историческихъ документовъ, извѣстный наказъ царя Теодора Ивановича астраханскимъ воеводамъ князю Сицкому и Шуп-

²⁴⁾ „Груды Сарат. арх. ком.“ т. III-й, выи. 2-й, стр. XXVII-и.

кину, относящийся къ 7099-му, т. е. къ 1590 или 1591-му годамъ (А. Ист. т. I-й, № 230-й), свидѣтельствуесть лишь о томъ, что Саратовъ существовать уже съ имплетомъ новаго города, съ двумя воеводами въ 1590-мъ году. Сдѣланная доселѣ изысканія по этому вопросу принадлежатъ проф. Перетятковичу и мѣстному изыскателю г. Краснодубровскому. Не находя Саратова въ нѣсколькихъ сохранившихся спискахъ городовъ по Волгѣ до 1590-го года и основываясь на тщательномъ сопоставленіи обстоятельствъ, изложенныхъ въ упомянутомъ наказѣ и замѣткѣ въ одномъ рукописномъ евангелии, сохранившемся въ частныхъ рукахъ и пока гадательно отнесенномъ къ 16-му вѣку. эти авторы пришли къ заключенію, что Саратовъ былъ построенъ въ 1590-мъ году (2 юля) основателями Царицына кн. Г. О. Засѣкинъ и Н. М. Туровымъ — это первыми (?) воеводами въ 1590 и 1591-мъ годахъ ¹⁰⁰).

Признать это заключеніе вполне достовѣрнымъ не представляется пока возможности, такъ какъ изъ того же весьма обширнаго и сложнаго царскаго наказа воеводамъ 1590 или 1591-го года видно также, что торговые люди ранѣе „близи челоуь государю *по вся годы*“ о томъ, что ихъ суда съ солью и рыбою, будучи долго задерживаемы приказными людьми въ Астрахани, мерзнутъ потомъ на Волгѣ *межь ириволюку и Саратова*, а пные межь *Саратова* и Самары, а ближіе межь Самары и Казани“. Эти жалобы, очевидно, неоднократныя, въ числѣ вещей другихъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ упомянутомъ историческомъ актѣ, могутъ служить никакъ не менѣе убѣдительнымъ доказательствомъ того, что Саратовъ существовать не въ одну лишь навигацію 1590-го года но и въ предшествовавшія ей и притомъ до основанія Царицына, который въ этихъ жалобахъ пока не назывался еще своимъ именемъ и годъ основанія котораго (1589-й) определенъ документами гораздо точнѣе. На это же обстоятельство указываетъ и приведенное выше письмо къ царю князя Уруса 1586-го года, изъ котораго видно, что построеніе Сара-

¹⁰⁰) „Поволжье въ 15-мъ и 16-мъ вв.“, стр. 316 и 321-я; „Годъ основанія Саратова“ въ Труд. Саратов. арх. ком., т. II-й, вид. 2-й и „Ак. Ист.“, т. I-й № 230-й.

това было рѣшено. послѣ давно созванной необходимости. въ одно время съ Самарою и Уфою и въ которомъ о Царицынѣ также еще не упоминалось. Христ. Борро, какъ мы видѣли выше, въ своемъ путешествіи по Волгѣ еще въ 1581-мъ году не нашелъ ни одного населеннаго пункта между Тетюшами и перволокою и только на ней и ниже ея до Астрахани встрѣтилъ шесть карауловъ съ довольно сильными стрѣлечными гарнизонами (по 60-ти челов.). Весьма возможно, что эти 6-ть карауловъ продолжали и потомъ служить своему назначенію на устьяхъ Волги: первыми же городами выше перволоки были основаны Самара и Саратовъ. Если въ льготной грамотѣ царя Феодора Ивановича Троице-Сергіеву монастырю отъ 15-го марта 1588-го года. (Ак. А. Экв. т. I-й. стр. 405) въ числѣ подробно перечисленныхъ городовъ по Волгѣ не упомянуто о Саратовѣ, то не упомянуто также, наприм., и о городѣ Тетюшахъ, который несомнѣнно существовалъ уже съ 1571-го года (Ак. Моск. госуд. т. I-й. № 4-й). Достовернымъ для насъ представляется только то, что Саратовъ не былъ выстроенъ въ 1586-мъ году: въ сентябрѣ этого года ногайскіе послы, жалующься на построене Самары и Уфы, о Саратовѣ ничего не говорили.

Во всякомъ случаѣ ногайскій князь Урусъ весной 1586-го года получилъ вѣрныя свѣдѣнія о мѣстѣ построения новаго города ниже Самары: онъ дѣйствиельно позвѣкъ, если и не на самомъ Увекѣ, то очень близко отъ него, на мѣстѣ, какъ говорилось выше, упраздненной въ 1576-мъ году стаяницы подъ Караманскимъ лѣсомъ, на устьѣ рѣчки Саратовки, гдѣ нашли его Олеарій въ 1636 и 1638-мъ годахъ и Стрюйсъ въ 1669-мъ году, а именно: „въ четырехъ верстахъ отъ Волги, на гладкой равнинѣ при рукавѣ, который Волга отдѣляетъ отъ себя въ лѣвую сторону“¹⁾. Книга „Вол. Чертежу“ помѣщаетъ его на лѣвомъ берегу Волги, но при этомъ прибавляетъ: „а пропвъ Саратова островъ“ и что „подъ нимъ пала рѣчка изъ озера, а другая рѣчка пала изъ поля“ (Саратовка). Все это несомнѣнно указываетъ намъ на то, что Саратовъ былъ первоначально основанъ

¹⁾ Отъ іріемъ я пользовался въ 3-мъ изд. этого авторъ. Стрюисомъ же въ перев. съ голланд. на нем. яз. А. М. въ 1678-мъ году.

гамь, гдѣ и въ настоящее время сохранились еще слѣды его существованія, т. е. въ рукавѣ Волги съ сѣверной стороны устья рѣчки Саратовки, гдѣ она подъ острымъ угломъ впадаетъ въ тотъ рукавъ: находясь подъ стѣною города, этотъ рукавъ получило русское названіе Загѣшней воложки. Городъ же своимъ названіемъ обявляя, вопреки различнымъ токованіямъ, все гочительно рѣч. Саратовкѣ.

При осмотрѣ и раскопкахъ на мѣстѣ стараго Саратова весной 1890-го года саратовскою арх. комиссіей были найдены въ насыпномъ со слѣдами рва валу направляющемся сверху отъ рукава Волги къ р. Саратовкѣ, остатки деревяннаго тына, а внутри городища—груды печного кирпича и остатки домашней посуды и утвари, и приобрѣтены найденные здѣсь же, обломки мѣдной пушки, серебряныя и мѣдныя кресты и таковыя же монеты царей Михавла Ѳеодоровича, Алексеѣя Михайловича и Ѳеодора Алексеѣвича или Ивановича. Выѣтъ съ тѣмъ было обнаружено, что городище, находясь на песчаномъ берегу замѣтно размывастся водою и въ настоящее время представляетъ лишь незначительный остатокъ своей прежней площади.

Проѣхавшій по Волгѣ весной 1603-го года посланникъ римскаго императора въ Персію Степанъ Кашахъ кратко называетъ лишь между Казанью и Астраханью грп пограинчныя русскія поселенія: Самру, Саратовъ и Царицынь.

Въ самомъ началѣ своего существованія гор. Саратовъ назывался также *Саратовскимъ городищемъ* или даже пепелищемъ—бакъ мо видно изъ старыхъ документовъ и въ особенности изъ столь извѣстнаго въ его исторіографіи акта—„памяти сгрѣлецкимъ головамъ, отправленнымъ изъ Самары въ Астрахань, отъ 23-го мая 1614-го года¹⁾„ послужившаго Леопольдову и постѣдующимъ писателямъ къ совершенно неправильнымъ выводамъ относительно главнѣйшихъ событій въ исторіи нашего города²⁾. Въ этомъ актѣ посланные царемъ по Волгѣ въ Астрахань съ войскомъ противъ Заруцкаго ратные восводы кв. Одоевскій и Головинъ, изложивъ порученія 6-ти сгрѣлецкимъ головамъ, от-

¹⁾ „Ак. Ист.“, т. 3-й, №№ 15-й, 260-й, 273-й и 274-й. *Городище по р. Увекоткѣ называлось Увекотскимъ* (кв. В чертѣ или Увекотъ.

правлениями ими рабѣ въ видѣ авангарда съ значительнымъ отрядомъ. дѣлають имъ выговоръ за то, что они, будучи посланы 17-го мая въ Астрахань на сибѣхъ, на пути туда забѣжали на *Саратовское городище*, копали въ немъ ямы и искали клады, причѣмъ нашли, между проч., какіе-то колокола (металлич. сосуды?), а потомъ *авылжали также и въ Саратовъ, отстоявшій отъ городища „близко 10-ть верстъ“* (№ 273). Основываясь на этомъ, покойные Леопольдовъ и Артемьевъ, а послѣ нихъ и проф. Перегятковичъ и другіе, совершенно игнорируя или отвергая свидѣтельство путешественниковъ-очевидцевъ, находили, что городъ Саратовъ къ 1614-му году былъ уже перенесенъ на правый берегъ Волги, оставивъ послѣ себя на старомъ мѣстѣ городище или ислепище: Леопольдовъ же, кромѣ того, ссылаясь еще и на существовавшее будго бы преданіе, по которому Саратовъ, совершенно разоренный ордынами, былъ перенесенъ въ 1603-мъ году. Слово ислепище—синонимъ словъ городище, селпище, давало неоднократно поводъ другимъ писателямъ видѣть здѣсь не только разореніе, но и сожженіе.

Болѣе внимательное разсмотрѣніе упомянутыхъ выше интересныхъ документовъ приводитъ насъ однакоже къ совершенно иному заключенію. Изъ нихъ мы усматриваемъ, что воеводы кн. Одоевскій и Головинъ на своемъ судовомъ пути по Волгѣ останавливались 23-го мая 1614-го года въ 10-ти верстахъ отъ Саратова на Саратовскомъ городищѣ и отсюда посылали какъ приведенную выше память головамъ, такъ и другія письменныя распоряженія противъ Заруцкаго. Такимъ образомъ, Саратовское городище представлялось въ то время еще пунктомъ, населеннымъ городомъ, который не могли миновать ратные воеводы въ своемъ походѣ въ Астрахань: городищемъ оное назывался, очевидно, лишь потому, что былъ основанъ на старомъ укрѣпленіи. Въ архивныхъ документахъ 17 и 18-го вѣковъ и въ кн. „Вол. Черт.“ много города и селенія, существующіе до сихъ поръ между проч., и въ саратовскомъ краѣ, назывались городищами съ какимъ-либо собственнымъ именемъ, когда они возникали на старыхъ укрѣпленіяхъ (Чугуево городище, Наровчатское, Мечетное, Труево и т. д.); большинство изъ нихъ сохранило потому

за собою лишь собственное имя, а ильбогоры и гелеры называются городищами.

Накопецъ, намъ положительно извѣстно, что не только въ 1614-мъ году, но и гораздо позже Саратовъ продолжалъ существовать непрерывно на лѣвомъ берегу Волги, гдѣ его посѣтили: Олсарій въ 1636 и 1638-мъ, Витзенъ въ 1666-мъ и Стрюйсъ въ 1669-мъ годахъ: первый изъ нихъ оставилъ намъ даже и весьма интереснѣйшій рисунокъ стараго Саратова. Къ старому же Саратову, очевидно, относится одною своею частью и недавно найденный въ Арх. М. Юст. А. А. Голомбѣевскимъ документъ 1652-го года, по которому въ Саратовѣ въ этомъ году ставались на откупъ разныя оброчныя статьи (торговля бани, сусло, квасъ и проч.) и въ томъ числѣ „заимою пролуби, а лѣвомъ портомойныя плоты и перевозъ черезъ рѣчку Саратовку и перевозъ... что подѣ продолжать, черезъ Волгу рѣчку“.

По единогласному свидѣтельству поминутыхъ выше путешественниковъ 17-го вѣка, Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги былъ весьма небольшоимъ городкомъ, *населеннымъ исключительно одними стрельцами съ ильбогородомъ во главѣ*, и служилъ для защиты юговосточной украины отъ нападений калмыковъ, кочевавшихъ отъ него вплоть до Каспійскаго моря и рѣки Янка. На подлинномъ рисункѣ Олсарія онъ изображенъ на возвышенной равнинѣ, на устьѣ огибающей его дугою съ южнаго конца рѣчки Саратовки и въ видѣ длиннаго, защищеннаго со всѣхъ сторонъ землянымъ валомъ съ стѣною на верху четырехъ-угольника, весьма плотно застроеннаго разными зданіями, башнями и, вѣроятно, такъ называемыми въ то время *осадными оврагами* (т. е. безъ усадебъ), между которыми замѣчается лишь одна церковь въ южномъ концѣ городка. Земляной валь снаружи обсаженъ теревьями (см. ниже, прилож. 1-е). Въ одномъ документѣ о Саратовѣ 1672 года упоминается о разващившемся въ городѣ *остроумъ*, т. е. внутренней части, обнесенной стоячимъ, заостреннымъ наверху тыномъ.

Какъ было упомянуто ранѣе, Витзенъ, извѣстный знатокъ восточной Россіи и Сибиря конца 17-го вѣка, пашель Саратовъ на весьма обширныхъ развалинахъ татарскаго города (Сары-Гау).

находившихся на рукавѣ Волги, называемомъ по-татарски *Синкелн*, и представлявшихъ богатый многими прекрасными зданиями и большого увеселительнаго хапскаго дворца, построенныхъ изъ обожженнаго кирпича, остатки котораго по еѣ словамъ, перевозилъ отсюда, какъ и съ развалинъ Сарая, для построенія укрѣпленій, церквей и домовъ въ русскую Астралавъ¹³⁾. Этимъ обстоятельствомъ и главнѣйшмъ образомъ, разрушеніемъ отъ весеннихъ разливовъ берега Волги, на которомъ находилась эти развалины, объясняется полное, повидимому, отсутствіе слѣдовъ этого древняго города въ настоящее время, сообщившихъ нѣкогда возвѣвшему на нихъ Саратову имя городища или пещелища.

Судоходство по Волгѣ совершалось въ 17-мъ вѣкѣ, но свидѣтельству путешественниковъ, съ большими затрудненіями даже въ предѣлахъ Саратовскаго Поволжья: суда съ глубокой осадкой часто оставались на мельхъ, карчахъ и подводныхъ камняхъ и нагруженныя клядью дожины были нагружены. Вичевника для тяги судовъ противъ теченія еще не существовало. Суда бросали якорь у самаго Саратова и слѣдовательно Застѣнная Воложка, на которой онъ находился, была въ то время еще доступна для судоходства („проѣзжая, а не зауморная“). Она оканчивается, повидимому, у нынѣшняго села Квасениковки, Новоузенскаго уѣзда.

Проходя мимо стараго Саратова Застѣнною Воложкою, на протяженіи около 20 верстѣ, описавшіе его ипостравные путешественники не могли видѣть ни обширныхъ и покрытымъ лѣсомъ Саратовскимъ огропомъ нынѣшняго Саратова на коренной Волгѣ, о которомъ одновременно съ Саратовскимъ городищемъ упоминается въ приведенномъ выше документѣ 1614-го года, подъ именемъ Саратова, и существованіе котораго не признается нѣкоторыми писателями до конца 17-го вѣка, т. е. до перенесенія стараго Саратова. А, между тѣмъ, этимъ именованъ въ документѣ, очевидно, назывался населенный пунктъ, который несомнѣнно

¹³⁾ „Северная и восточная Татарія“, т. 1, стр. 24, 1760-го г., на голланд. яз. — весьма капитальное сочиненіе, и ютъ 23-хъ-лѣтнихъ трудовъ Витлева, съ карт. и рис., въ днѣтъ: стр. 714-л. 715-л. См. о немъ, въ „Обозрѣніи“ Адолфута и въ „Временникѣ“, кн. 2-я, 1849-го г.

продолжалъ свое существованіе и послѣ 1614-го года, какъ и старался доказать въ 1890-мъ году въ докладѣ московскому археологическому съѣзду. Теперь это заключеніе представляется намъ исполнѣй достовернымъ. Ко многимъ документамъ о Саратовѣ, найденнымъ г. Голомбѣевскимъ въ Арх. М. Ю. и послужившимъ мнѣ матеріаломъ для доклада съѣзду, въ настоящее время присоединилось нѣсколько документовъ, относящихся къ половинѣ 17-го вѣка и несомнѣнно къ нынѣшнему Саратову. Въ нихъ говорится, что въ 1655 и 1656-хъ гг. назначались особые служилые люди „на Саратовскыя заставы на Стрѣлькы рѣки“, а съ 1659-го года эта застава находилась „зимомъ на верхнемъ Волгѣ, а лѣтомъ на Волгѣ рѣкѣ; лѣтомъ на пропускѣ проѣзжихъ людей, а зимнимъ путемъ на проѣздѣ“. Эти служилые люди ставились на заставы подъ начальствомъ головъ изъ боярскихъ дѣтей. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о заставахъ, поставленныхъ при въѣздѣ въ Саратовъ сухимъ путемъ и на проѣздѣ по Волгѣ мимо него для сбора таможенныхъ пошлинъ⁶⁴⁾. Названныя урочища и до сихъ поръ сохранили еще свои названія и принадлежатъ нынѣ Саратову: Стрѣлка на горномъ берегу Глѣбова оврага, гдѣ нынѣ Покровская площадь, и Узекъ—съ противоположной стороны города.

Ближайшее знакомство съ главными техническими правилами по постройкѣ городовъ на окраинахъ въ 16 и 17-мъ вѣкахъ дастъ намъ слѣдующія указанія. Прежде всего строился въ видѣ крѣпости защитный ровъ и тараснымъ валомъ съ башнями острогъ, или, точнѣе, городъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Самую существенную въ отношеніи обороны часть внутри города составлялъ острогъ въ видѣ вала и стѣны, примыкавшихъ обыкновенно къ одной изъ наиболее безопасныхъ стѣнъ города (напримѣръ, у рѣки); въ городѣ же строились общественныя зданія, церкви, дворы воеводъ, приказныхъ людей и причта и иногда осадные дворы, т. е. безъ усадебъ, для служилыхъ и жилацкихъ людей на время осады. Но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, по основаніи города, вокругъ него строились слободы съ усадьбами,

⁶⁴⁾ „Ак. Ист.“ т. 5 й. V 200-й.

въ которыхъ поселялись переводимые въ новый городъ служилые люди съ ихъ семействами в хозяйствомъ; эти слободы также ограждались такъ или иначе отъ нападений непріятеля и сливались съ городомъ. Около него служилымъ людямъ отводились земли подъ пашню, выпускъ и другія угодья. Въ городахъ же и часто весьма незначительныхъ учреждались торговые посады, и поселялись посадскіе люди, состоявшіе подъ ближайшимъ начальствомъ выборнаго земскаго старосты и земской избы.

Обращаясь къ исторіи Саратова, мы почти съ самаго его основанія находимъ документальныя указанія о существованіи въ немъ (а также и въ Царицынѣ), не только служилыхъ, но и посадскихъ и вообще жилецкихъ людей или „жителей“. Такъ, уже въ 1591-мъ году упоминается о саратовскомъ посадскомъ Ив. Соколовѣ, коему была пожалована позья на лѣвомъ берегу Волги; до 1635-го года саратовскимъ жилецкимъ людямъ сдавались на откупъ рыбныя ловли, а въ 1658-мъ году ловли же въ За-стѣнной Воложкѣ были пожалованы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ имъ и Богородицкому мужскому монастырю въ Саратовѣ; въ 1652-мъ году саратовскіе посадскіе люди уступаютъ въ городѣ свои 4 дворовыхъ мѣста московскому Новоспасскому монастырю, очевидно, подъ его рыбный дворъ (который потомъ при перенесеніи сюда крѣпости назначался къ сломкѣ); въ 1651-мъ году упоминается о подгородной Воздвиженской слободѣ, а въ 1661-мъ году въ ней открывается второй саратовскій монастырь—Крестовоздвиженскій дѣвичій, состоявшій изъ 30 монахинь, коимъ было пожаловано царемъ денежное жалованье и содержаніе „изъ привозныхъ хлѣбныхъ запасовъ изъ Казани; наконецъ, въ актѣ 1668-го года, кромѣ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ въ Саратовѣ, упоминается о посадскихъ людяхъ съ ихъ земскимъ старостой Иваномъ Живодеромъ во главѣ *). Къ какому же Саратову относятся всѣ эти указанія? Посѣщавшіе Саратовъ на лѣвомъ

*) „Поволжье въ 17-мъ и 18-мъ вв.“, стр. 141-я—164-я. „Очерки изъ ист. коюнии и быта“, Багатицъ, стр. 214-я—216-я. „Обозрѣніе ист.-географич. матер.“, статья Оглоблина въ кн. 4-й „Описанія Арх. М. Ю.“, стр. 235-я и 236-я и др. негочинки по ист. оцѣткѣ городовъ „Сенатская записка о Саратов-городск. земляхъ“, стр. 266-я. Докум. о Саратовѣ, опубликованныя г. Голомогѣвскимъ въ разн. издаціяхъ.

берегу Волги между 1636 и 1669-ми годами иностранные путешественники нашли его въ видѣ маленькаго городка, населеннаго исключительно стрѣльцами: въ видѣ лишь крѣпости изображаетъ его и рисунокъ Олеарія. Расположенный одиноко въ совершенно открытой Ногайской степи, старый Саратовъ, очевидно, и не могъ служить достаточной защитой для подгородныхъ слободъ, а слѣдовательно и имѣть монастыри.

Всѣ изложенныя обстоятельства и соображенія, въ связи съ приведенными выше документальными указаніями о существованіи нынѣшняго Саратова на правомъ берегу Волги уже съ 1614-го года, привели меня къ убѣжденію въ томъ, что первоначально для наблюдений за ногайцами быть основанъ въ степи на рукавѣ Волги лишь Саратовскій острогъ и, по основаніи его, были построены на правомъ берегу Волги, гораздо менѣе опасномъ отъ нападеній ордынцевъ и на мѣстѣ, защищенномъ горами и глубокими оврагами, слободы для служилыхъ и жилацкихъ людей и посадъ съ таможеню для сбора пошлинъ (мыта) съ проходившихъ здѣсь по коренной Волгѣ судовъ, отъ чего послѣдніе освобождались лишь по особымъ грамотамъ (въ одной изъ нихъ Саратовъ не упоминался еще 15 марта 1588-го года въ числѣ другихъ городовъ по Волгѣ). Посады также назывались обыкновенно, а потомъ и даже преимущественно городами. Саратовскій посадъ до 1689-го года, когда всѣ заставы по Волгѣ, за исключеніемъ лишь царичевской, были упразднены, составлялъ обязательную приставъ для многочисленныхъ торговыхъ судовъ въ теченіе навигаціи и таковую же станцію для сухопутныхъ каравановъ и возовъ, собирая съ нихъ на своихъ заставахъ таможенныя пошлины. (О томъ, какъ велики были эти пошлины, можетъ служить указаніемъ, что на одинъ 1673-й годъ онѣ были сданы на откупъ за 1-ну тысячу рублей. Два упомянутыхъ перевоза, рыбныя ловли, кабаки, бани и разныя другія оброчныя статьи также давали казнѣ весьма значительный доходъ *). Благодаря своему торговому значенію и гораздо болѣшей населенности, посадъ со слободами и монастырями значительно

*) „Оч. торговли Москов. госуд. въ 16-мъ и 17-мъ стол.“ Костомарова, изд. 2, стр. 141-я—146-я. 95-я и др. „Ак. Ист.“, т. 5-й. № 206-й.

превосходить по обыкновенію военныя городокъ на рукавѣ Волги своею величиною и предпочтительно предъ нимъ нашеть себѣ мѣсто. напримѣръ, на прекрасныхъ картахъ Россіи: Исаака Массы 1609 и Гесселя Герарда 1614-го годовъ, на богорыхъ Саратовъ изображенъ на правомъ берегу Волги.

Разнорѣчія въ показаніяхъ письменныхъ памятниковъ о годѣ основанія Саратова, можетъ быть, объясняются тѣмъ, что эти показанія относятся къ разнымъ частямъ его на обоихъ берегахъ Волги и легко можетъ быть, что 2-ое іюля 1590-го года относится лишь къ основанію позже возникшаго пагорнаго Саратова или посада. Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что оравиченное число рабочихъ людей, приводимыхъ въ эту весьма отдаленную крайну изъ верховыхъ областей, и доставка всего необходимаго строительнаго матеріала на судахъ изъ Казани потребовали не менѣе грехъ дѣтъ на построение сначала города Саратова со всеми городскими зданіями, а потомъ слободъ и посада. (Въ это же время строился и Царицынъ).

По весьма вѣроятному преданію, записанному покойнымъ саратовскимъ старожиломъ, И. А. Кропотовымъ, первые поселенцы были переведены въ Саратовъ изъ Казани, и первая деревянная церковь была основана въ немъ во имя иконы Казанской Богородицы: вѣроятно, съ того же времени ведетъ свое начало и дѣлція Казанская ярмарка въ Саратовѣ. Составъ его жителей, какъ видно изъ актовъ, постоянно пополнялся обильными помѣщичьими крестьянами изъ верховыхъ областей, вслѣдствіе чего въ приказѣ Казанскаго двorca неоднократно возбуждалась дѣла о розыскахъ крестьянъ, обжавшихъ на жительство между другими низовыми городами и въ Саратовъ⁶⁶⁾.

Судя по величинѣ гарнизона, Саратовъ вскорѣ, по его основанію, получилъ болѣе важное значеніе, чѣмъ Царицынъ, расположенный на нѣкогда главнѣйшемъ стратегическомъ пунктѣ низового Поволжья—на переволокѣ. Такъ, начиная уже съ 1630-хъ годовъ гарнизонъ Саратова состоялъ изъ 150-ти ковыныхъ и 350-ти нѣшихъ стрѣльцовъ, 18-ти челов. дѣтей бонрекихъ и нѣсколь-

⁶⁶⁾ „А. А. Эксп.“, т. 4-й, № 279-й.

кихъ человекъ пушкарей и прислуги, гарнизонъ же Царицына— лишь изъ 100 конныхъ и 250-ти пѣшихъ стрѣльцовъ и 3-ти человекъ дѣтей боярскихъ. Каждый изъ этихъ городовъ управлялся однимъ воеводою и однимъ головою (Разрядн. книги, т. 2-й). По древнѣйшей же изъ сохранившихся разрядныхъ росписей понизовымъ городамъ, относящейся къ 1597-му году, въ Царыцынѣ было два воеводы и голова, въ Саратовѣ же лишь одинъ воевода и головы не было. Замѣчательно, что въ эту отдаленную эпоху Саратовъ по росписи находился *на Саратовѣ островѣ*— который, вѣроятно, былъ окруженъ рукавомъ Волги и двумя впадавшими въ него по лѣв. Вол. Черт.* рѣчками и служилъ естественной защитой для города.

Кромѣ жителей городовъ Саратова и Царицына, въ числѣ обитателей Саратовскаго Поволжья за это время состояли и волжскіе казаки, которыхъ въ 1591-мъ году насчитывалось на нижней Волгѣ 1000 человекъ и сборнымъ пунктомъ для которыхъ служило, между прочимъ, и Саратовское городище⁶⁷⁾. Несомнѣнно, что эти казаки, совершавшие сторожевые разъѣзды по Волгѣ, жили въ особыхъ укрѣпленіяхъ— станицахъ или городкахъ, слѣды которыхъ сохранились донынѣ не только во Волгѣ, какъ наприм., около селъ Вукатовки, Балакова, Даниловки, но и въ другихъ мѣстахъ.

VI.

акъ называемое перенесеніе Саратова съ лѣваго берега Волги на правый или, точнѣе, соединеніе его крѣпости съ посадомъ произошло, вопреки прочно установленному А. Леопольдовымъ мнѣнію, никакъ не ранѣе 1674-го года,

⁶⁷⁾ „О сторожев. службѣ“, Блжева, стр. 33—34-я. „Ак. Ист.“, т. 3-й, стр. 427-я.

какъ и впервые старался докзвать на московскомъ археол. свидѣль въ январѣ 1890-го года. Найденыя г. Голомбѣвскимъ въ Арх. М. Ю. документы о Саратовѣ свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что именнымъ указомъ царя Алексея Михайловича было велѣно горододѣльцу, полковнику Александру Шелью (бывшему потомъ въ 1677-мъ году самарскимъ воеводою *„дѣлать Саратовъ городъ на сарат. мѣстѣ“*, что въ теченіе 1672-го и 1675-го годовъ былъ изготовленъ дѣсъ для этой постройки, а осенью 1674-го года Шель, приступивъ къ работамъ, назначить къ сломкѣ находившіяся здѣсь рыбныя дворы москов. Новоспасскаго монастыря, очевидно, построенныя на 4-хъ посадскихъ усадьбахъ; но, по произвѣнію монастыря и въ виду того что „новому городу утѣшенія и въ приходѣ воинскихъ людей отъ того двора никакой поруки не чаяють“ сломка его была царемъ остановлена⁵⁹⁾.

Не разореніе и погромъ ставшейся безпрекословно Разина въ августѣ 170-го года Саратовской крѣпости или острога, какъ думають нѣкоторые писатели, о разрушительныя весеннія наводненія и постепенное обмѣленіе Застѣльной воложки, нынѣ почти пересохшей, заставили, наконецъ, правительство перенести крѣпость съ погайской на крымскую сторону Волги (какъ это случилось гораздо ранѣе съ Царицынью). Еще академикъ Фалькъ, посѣтившій Саратовъ въ 1769-мъ году, когда были живы еще мнोगія изъ дѣлгъ его переселенцевъ, утверждалъ, что „Саратовъ переведенъ на правый берегъ по причинѣ наводненій и худой пристани“. Разинъ, какъ увидѣмъ ниже, не разрушалъ Саратова: но въ самое разрушеніе крѣпости, состоявшей лишь изъ земляныхъ валовъ и деревянныхъ стѣнъ, слѣдовательно, легко исправимое, не повело бы съ собою столь чрезвычайной мѣры, какъ перенесеніе цѣлаго городка на 10-ть верстъ. Лишь два года спустя послѣ Разина, въ 1572-мъ году саратовскій воевода Федоръ Леонтьевъ опасаясь нападени донскихъ казаковъ на Саратовъ, писалъ, что городъ худъ, острогъ весь ра валится, порезу нѣтъ и служилыхъ людей очень мало (документъ, найденный г-жеи Шахматовой въ московскомъ иностранномъ архивѣ).

) „Груды Саратов. арх. ком.“, г. I-й, вып. 4-й, стр. 446-я и 448-449-я и „Библиогр. Зап.“ 1892-го г., № 3-й.

Перенесеніе развалившейся отъ времени крѣпости произошло въ воеводство поминутаго Леонтьева и потомъ Михаила Глѣбова. Никакихъ другихъ указаній объ этомъ важномъ въ исторіи нашего города событіи въ сохранившихся письменныхъ памятникахъ мы пока не находимъ. О томъ, что оно совершилось не ранѣе конца 17-го вѣка, свидѣтельствуютъ также найденныя на Саратовскомъ городищѣ упомянутыя выше русскія монеты.

Хотя всѣ собранныя мною въ сохранившихся документахъ историческія указанія несомнѣнно относятъ начало нынѣшняго Саратова въ видѣ посада и слободъ къ концу 16-го вѣка, но прѣкъ мнѣнію тѣхъ писателей, которые были наприм. г. Шахматовъ, начало его ведутъ лишь съ перенесенія крѣпости на правый берегъ Волги, но мы до сихъ поръ не имѣемъ еще ни точныхъ топографическихъ и никакихъ статистическихъ о немъ свѣдѣній до самаго перенесенія. Поэтому сдѣлаетъ признаніе лишь то, что посады занимали дравѣнскую часть нынѣшняго Саратова вкругъ стараго собора, на которой была построена и перенесенный городъ сохранившихся изъ которыхъ построекъ, и что сама же слобода, а именно Восточная рѣсологалась по слѣду берега между посадомъ и Волгой. Что касается упомянутой въ актахъ позже Горной или Солдатской слободы за Глѣбовымъ оврагомъ, то она, повидному, была выселена изъ посада уже послѣ перенесенія крѣпости, которая въ эпоху Разина была наслѣпа однимъ стрѣльцами. Изъ первой посада можно сдѣлать несомнѣнное указаніе лишь на церковь Казанской Богородицы, при которой, по всей вѣроятности, возникъ первый въ Саратовѣ Богородицкій мужской монастырь, перенесенный потомъ съ перемѣной имени въ Горную слободу. Въ этой церкви до сихъ поръ сохранилось еще съ надписью евангеліе этого монастыря 1657-го года, и она же, по всей вѣроятности, разрушилась потомъ послѣ именовъ Богородицкой церкви (актъ 1723-го года).

Города Саратовъ, Царицынъ и Астрахань и нѣсколько казачьихъ станицъ были почти до конца 17-го вѣка единственными русскими поселеніями въ обширномъ пространствѣ низкого Поволжья носившаго въ актахъ характерное названіе „Поля“ и призывавшаго на сѣверозападъ къ начавшей заселяться тамбов-

ской украинѣ. Черезъ переволоку искови пролегалъ изъ Астрахани правымъ берегомъ Волги торговни караванный путь на Рязань въ Москву и назывался *архидиарною большою дорогою*. По этому пути каждое лѣто доставлялись въ Москву покупаемая въ Астрахани для цари и арміи степныя лошади подъ сильной охраной стрѣльцовъ и татаръ (до 400 челов.)¹⁾ Вотъ что писано въ наказѣ этой стражѣ въ 1651-мъ году (Ак. Исг. т. 4, № 82): „И имъ, Тимоею съ товарищи, Вхатъ въ станциѣ степью по крымской сторонѣ (Волги) на Царицынѣ, а съ Царицына на украину на Тамбовѣ и на Шацкой, *до первыя деревень*, тою дорогою, куды напередъ сего ардобазарныя стапыцы хаживали. А будетъ на Царицынѣ почаятъ гдѣ крымскихъ или калмыцкихъ и иныхъ какихъ воинскихъ людей, и за тѣми воинскими людьми идти имъ будетъ съ Царицыны на Тамбовѣ опасно: то смотря по вѣстямъ, идти на Саратовъ погому-жъ съ великимъ береженіемъ и идти имъ степью становиться съ береженіемъ, и стрѣльцовъ и татаръ, кои судятъ съ ними около конскихъ табуновъ, посылати въ разъѣзды почасту, и самимъ разъѣзжати въ день и въ ночь, и во всемъ береженіе имѣть великое, чтобы на нихъ казыевскіе (ногайскіе) или крымскіе, и едисанскіе, и свбутацкіе, и калмыцкіе люди и воры казаки безвѣстно не пришли, и татаръ и лошадей не погромили, в никакого дурна не учинили“.

Какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ архивныхъ документахъ сохранилось весьма немного указаній изъ исторіи нашего края въ 17-мъ вѣкѣ. Въ смутную эпоху самозванцевъ при Василии Шуйскомъ, когда низовое Поволжье, съ Астраханью по главѣ, было охвачено мятежемъ Саратовъ оставался вѣрнымъ царю и въ 1604-мъ году съ своимъ воеводою Замятнею-Сабуровымъ отбилъ осаду астраханскихъ казаковъ, впрпедшихъ съ тремя самозванцами, изъ коихъ одинъ (Осиновичъ) былъ потомъ умерщвленъ самими казаками на берегу Волги. Воевода Григорій Никитичъ Орловъ, правившій Саратовомъ въ 1626—1629-мъ годахъ, судя во особу отмѣченной награждѣ, имѣлъ сплвное пограженіе татарамъ, за что ему были пожалованы кубокъ, шуба

1) „Мѣер. къ ист. Тамбов. края“, Николаева, вып. I-й, 1884-го г. „Ак. Исг.“, т. 3-й, стр. 214 и т. 4-й, № 116-й.

атласъ золотной, на соболяхъ въ 89 рублей 28 алтынъ. 200 четвертей земли къ его помѣстному окладу въ 700 четвертей и годовое жалованье 40 рублей ⁷⁰⁾.

Въ 1634-мъ году въ низовомъ Заволжѣ появляется впервые изъ Азій черезъ рѣку Янкъ новая кочевая орда *калмыковъ*, которые подвигаютъ себѣ Ногайскихъ татаръ ⁷¹⁾. Благодаря дикости и многочисленности этихъ новыхъ пришельцевъ, соплеменниковъ Монголамъ, успѣхи только-что начавшейся русской колонизаціи низвлаго Поволжья были свѣдно задержаны на продолжительное время. Хотя вскорѣ, по поселеніи калмышской орды въ Заволжѣ съ ханами ея были заключаемы неоднократно договоры, по которымъ они отдавались подъ покровительство Россіи и обязывались не вторгаться и не разорять русскихъ украинъ, но эти договоры обыкновенно не исполнялись, и калмыки даже въ первой половинѣ 18-го вѣка дѣлали еще опустошительныя набѣги на правое Поволжье, хотя иногда до Тамбова и Воронежа. Въ актѣ 1649-го года говорится, напримѣръ, что калмыки на той шертѣ (присягѣ) не устояли, учали приходить.... подъ Уфу, подъ Саратовъ, подъ Астрахань и на ногайские улусы и, приходя, города и уѣзды воюють, села и деревни жгутъ, улусы разоряють, людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ" (А. И. т. 4 № 32). Въ юнѣ 1680-го года болѣе трехъ тысячъ татаръ и калмыковъ сдѣлали набѣгъ на Цевзу, сожгли ея посадь и ушли въ степь ⁷²⁾.

Въ 1661-мъ году для протравленія тонскимъ казакамъ, производившимъ постоянныя грабежи судовъ на Волгѣ, водяного пути по рѣчкамъ Иловѣ и Камышицкѣ въ Волгу на устьѣ Камышицки былъ построенъ полковничкомъ Том. Байлемъ *городъ Камышицка или Дмитріевскъ* ⁷³⁾. Этотъ городъ сначала находился на лѣвомъ берегу помянутой рѣчки, гдѣ генеръ Старый городъ, былъ разрушенъ въ 1670-мъ году и только послѣ 169-го года вновь построенъ на правомъ ея берегу. Въ 1669-мъ году его видѣлъ Стрюисъ, въ 1770-мъ году упоминается въ дѣлѣ о

⁷⁰⁾ „Ак. Моск. гос.“ I-й. 1890-го г. № 515 й.

⁷¹⁾ „Поволжье въ 17-мъ и 18-мъ вв.“, стр. 125-я—126-я.

⁷²⁾ „Дополн. къ А. И.“, г. 8-й, № 77-й.

⁷³⁾ „Географич. лексиконъ“ Потушина, 1773-го г.

Разинъ (А. И., т. 4, стр. 402), и поэтому проф. Перетятковичъ и другіе писатели напрасно начало его относятъ лишь въ 1670-мъ годамъ (см. также Ист. Петра В. Устрялова, т. II, стр. 536).

Построеніе Камышинки не преградило однакоже водяного пути весной 1670-го года Стенькѣ Разину, который, очевидно, провелъ свои струги съ Дона на Волгу подъ Царицынъ этимъ путемъ: Камышинка была взята отрядомъ Разина и разрушена, а самъ онъ безъ всякаго труда и малолѣтствомъ гарнизона въ съ помощію передавшихся ему городскихъ жителей овладѣлъ Царицыномъ и утопилъ его воеводу Тургенева. Укрѣпивъ защиту Царицына, Разинъ взялъ и ограбилъ Астрахань, и отсюда 20-го юня предпринялъ на судахъ вверхъ по Волгѣ свой походъ для всеобщаго возмущенія Поволжья. На этомъ пути съ шайкою въ 6-ть тысячъ человекъ онъ въ августѣ 1670-го года подошелъ къ Саратову. Здѣсь, какъ и ранѣе въ Царицынѣ и позже въ Самарѣ, по свидѣтельству документовъ, городскіе жители, ранѣе предупрежденные Разиннымъ, сдали ему городъ безъ всякаго сопротивленія. Стрѣлечкин гарнизонъ Саратова какъ и Царицына, очевидно, своимъ крайнимъ малолѣтствомъ въ эту эпоху общаго возмущенія по Волгѣ, не могъ отстоять ни крѣпость, ни посады. Не подвергая ихъ ни сожженію, ни разрушенію, какъ предполагаютъ нѣкоторые писатели, Разинъ захватилъ лишь (на посады) все казенное достояніе и, приказавъ утопить воеводу Кузьму Лутохина и перебить всѣхъ дѣтей боярскихъ, увелъ въ Саратовъ казачье устройство подъ управленіемъ атамана и въ донскихъ казаковъ и часть саратовцевъ увелъ съ собою далѣе по Волгѣ. По уходѣ Разина, весьма многочисленная шайка конныхъ саратовскихъ жителей съ ихъ атаманомъ во главѣ направилась въ Пензу, соединилась здѣсь съ другими шайками мятежниковъ и доходила до городовъ Н. Ломова, Наровчатскаго городища, Шацка, производя повсюду возмущенія, грабежи и убійства, и лишь 12 декабря у Троицкаго острога была разбита на голову царскимъ войскомъ и разбѣжалась. По показанію схваченныхъ мятежниковъ, шайка саратовцевъ состояла изъ 600 человекъ (кромя тѣхъ, которые ушли съ Разиннымъ). Бежавшій послѣ совершеннаго пораженія его 1-го октября подъ Симбирскомъ княземъ

Барятинскимъ. Развѣзъ не былъ уже пущенъ въ городъ саратовцамъ, которые, принося повинную, ожидали себѣ.—и не напрасно. —помилуванія ⁷⁴⁾.

По построеніи полковникомъ Шелемъ новаго города на Саратовскомъ посадѣ, въ немъ, по благословенію астраханскаго митрополита Парфенія (1672—1681-го года), былъ основанъ деревянный Троицкій соборъ. Въ 1691 или 1692-мъ годахъ (при воеводѣ Никитѣ Нестеровѣ) по указу царей Ивана и Петра Алексѣевичей была отведена земля въ Горной слободѣ подъ Четверосвятый мужской монастырь ⁷⁵⁾ въ упрядненіемъ въ городъ Богородицкаго монастыря, вѣроятно, вѣдѣтвѣ тѣсноты. 3-го юня 1695-го года Петръ Великій въ походѣ своемъ по Волгѣ подъ Азовъ посѣтитъ 1-й разъ Саратовъ въ восходство А. Гяцунова и пожаловалъ ружникамъ и горожанамъ земельную дачу вокругъ города въ видѣ округа или почти уѣзда, грамага на которую была составлена 1-го марта 1701-го года. Въ томъ же 1695-мъ году, вѣроятно послѣ царскаго посѣщенія, сильный пожаръ превратилъ въ пепель Саратовъ, послѣ котораго городъ былъ совершенно перестроенъ вновь ⁷⁶⁾. По описанію путешественниковъ оченидцевъ вновь перестроенный Саратовъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ.

Городъ занималъ весьма небольшое пространство въ восточной части нын. Саратова по его сторону Глубока, или впадины Воронскаго оврага, въ углу между нимъ и Волгою и имѣлъ форму треугольника, сѣверный уголъ котораго находился на нынѣшней площади Михаила Архангела. За исключеніемъ одной стороны, обращенной къ Волгѣ, городъ былъ окруженъ ровомъ, обнесеннымъ снаружи рогатками и простымъ землянымъ, и околь тына на верху валомъ, защищеннымъ лишь деревянными башнями, вооруженными пиццями. Кроме обычныхъ зданій по управленію и оборонѣ и строившагося вновь уже каменнаго Троицкаго со-

⁷⁴⁾ Бунтъ С. Разина: Козловъ, стр. 2-я; Маггер, стр. 1-я и 2-я; С. Разина, А. Поповъ, стр. 14-я, 15-я, 48-я, 57-я, 60-я, 1-я, 2-я, 13-я, 1-4-я и 212-я; „Ак. А. М.“, т. 4-й, стр. 229-я и 231-я. См. 1695-й указъ, прилож. 2-е.

⁷⁵⁾ „Гр. Сар. арх. том“, т. III, в. I-й, стр. 236-я.

⁷⁶⁾ „Путешествіе Ис-Бриппа“, въ переп. П. Баранова, стр. 177-я.

бора (снова перестроеннаго въ 1786-мъ году), онъ вмѣстѣ съ слободами имѣлъ 4-ре деревянныхъ церкви и 2 такихъ же монастыря, составлявшихъ въ то время лучшія изъ городскихъ зданій, и вмѣщала въ себѣ посады, въ которомъ находился казенный гостинный дворъ; посады, очевидно, занимать мѣсто на соборной площади, гдѣ нынѣ Старый гостинный дворъ. Съ сѣверо-восточной стороны за валомъ, направляившися по вышѣ Вальной улицы и за весьма глубокимъ Воровскимъ оврагомъ, представлявшимся очевидно въ видѣ „пропасти, занятой огородами“, къ городу примыкали *Гарнизонная Сладковская слободы*: съ южной стороны между городомъ и Волгою по склву берега располагалась на полчаса ходьбы вдоль рѣки *Волжская слобода*, въ видѣ городского предместья; она лежала между Крестово-Движенскимъ монастыремъ, который непрерывно до нынѣ днѣ сохранился на мѣстѣ своего основанія и другою церковью на западномъ ея концѣ. Самый городъ былъ вовсе не виденъ съ Волги. Наконецъ, съ третьей сѣверо-западной стороны, на городскомъ валомъ, который шелъ по нынѣ Полицейской улицѣ, и на мѣстоименныхъ и царыцынскихъ воротахъ къ городу непосредственно примыкала стена, и съ этой, какъ наиболѣе опасной отъ набѣговъ эрцгерцога, стороны, окрестности города начали застраиваться лишь съ 1783-го года. Въ городѣ вели трое воротъ: вѣдкая въ разстояніи 1/4 часа ходьбы отъ прѣдмѣстия чрезъ слободы и овражки московскія (у нын. Киовца), и царыцыныя по двумъ большымъ дорогамъ. Число жителей города въ слободахъ простиралось до 500-тъ семействъ (домовъ) исключительно русскаго населенія (по 1-й ревизіи въ Саратовѣ оказались 1700 душъ занимавшагося рыболовствомъ, огородничествомъ и торговлей съ калмыками на противоположномъ берегу Волги, у которыхъ саратовцы на прирѣчный изв. Камени хлѣбъ, холстъ, разную домашнюю утварь и проч. вымѣнявши доволно, коровы, масло и др. продукты. Гарнизонъ состоялъ изъ 200 солдатъ¹⁾).

¹⁾ „Путеш. де-Бруна“, стр. 177-я и 213-я. Путеш. Пастуховъ, польство въ 1712-мъ г. къ хану Завхи Цыбушев. соет. „Путеш. Россіи“ Кириловъ ч. 2-я, стр. 23-я—30-я, Акты г. Голландскаго посольства въ 1730 „Библиогр. Зап.“ и во 2-мъ выш. II т. т. „Труд. Сар. арх. д.“ (стр. 375-я—380-я) и др. изд.

Жители при городахъ Саратовѣ и Царицынѣ, говоритъ известный современникъ и сотрудникъ Петра Великаго Иванъ Кириловъ, до 1720-го года (до построения сторожевой царь-цынской линіи) ничего сѣять въ поляхъ и степяхъ не смѣли, за опасеніемъ вношиться въ атакѣ буарской (и, притомъ, вогайской и калмыцкой) орды, которая чинила всякія злобленія русскому народу, живущему въ низовыхъ мѣстахъ. брали людей въ полонъ и скоть отгоняли". Горожане пользовались въ своихъ дачахъ лишь сѣнными покосами и выпускали для конскихъ табуновъ и домашнего скота вообще.

Произведенный мною дѣльный рядъ архивныхъ изысканій по исторіи колонизаціи Саратовскаго Поволжья вполнѣ убеждаетъ насъ въ томъ что первая сельскія поселенія возникли въ сѣверной его части по сю сторону Волги никакъ не ранѣе проведенія *сызрань-пензенской сторожевой черты* въ 1681—1685-мъ годахъ. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною документовъ по приобретенію земель первоначальными и цѣльшимъ уѣздамъ Кузнецкомъ и многихъ въ уѣздахъ: Ахалыцкомъ, Вольскомъ, Петровскомъ и Сердобинскомъ, ни одинъ документъ не касался, за исключеніемъ, каждаго мѣста земли давался изъ *диканьскихъ* дворянамъ и многочисленному низшему классу служилыхъ людей — сторожей этой украинны въ помѣстья и въ волости, а неслуживымъ поселенцамъ въ мѣстахъ (оброкъ) и были приписаны въ тогдашнимъ Пензенскому и Симбирскому уѣздамъ вплоть до дачи города Саратова. Еще въ 1767-мъ году при Екатеринѣ II-й „Саратовъ не имѣлъ уѣзда, а города и поселеніе другихъ уѣздовъ вѣдѣлись отъ него въ таинствѣ разстояніи" (Сбор. рус. ист. общ. т. 4, стр. 122).

До построения же упомянутой черты сельское населеніе являлось въ саратовскій край и въ соседней тамбовской украинны, будучи привлекаемо это еще ветронутыми божествами въ области животнаго царства, лишь на такъ назыв. отхожихъ промыслахъ или *уголжии*. По изысканіямъ Тамбовской архивной комиссіи крестьяне рѣшыхъ селъ Шацкого уѣзда съ конца 16-го вѣка содержали на оброкѣ (оброкъ) по Хопру отъ его устья вверхъ и по его притокамъ въ томъ числѣ и Барю (Балашо-

скаго уѣзда), бортины ухажан съ итсвѣмъ и козиннымъ (дикихъ козъ) станомъ съ бобровыми зонами и рыбными ловлями. При обзорѣни писцовыхъ книгъ 17-го вѣка того же Шацкого уѣзда профессоръ Перетятковичъ нашелъ, что въ 1622 и 1623-мъ годахъ многіе изъ крестьянъ дворцовыхъ деревень этого уѣзда владѣли на денежномъ оброкѣ бортиными ухажаями вмѣстѣ съ лѣсамъ, рыбными ловлями, бобровыми зонами и прочими угодьями въ числѣ 308-ми и съ отдѣльными рыбными ловлями 469, а всего въ числѣ 777 бортиныхъ ухажавъ по верховьямъ Медвѣдицы и по ея притокамъ: Бурлуку, Терсѣ, Балацѣ, Карамышу, Идолгѣ и другимъ рѣчкамъ 78.

По моимъ изысканіямъ въ архивныхъ дѣлахъ межевого департамента сената, всѣ эти бортиные ухажан со всѣми угодьями по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ съ ихъ пригоками въ числѣ 308 и 469 ухажавъ, вмѣстѣ съ дворцовыми крестьянами съ Конобеева и другихъ Шацкого уѣзда, были пожалованы въ 1691-мъ году боярину Льву Кирилловичу Парышкину, паходились, исключеніемъ весьма немногихъ (по рѣкѣ Воронѣ), въ предѣлахъ нынѣшней Саратовской губерніи и занимали въ ней пространство около половины миллиона десятина (см. ниже прилж. 3). Несомнѣнно, что владельцамъ бортиныхъ и другихъ ухажавъ принадлежали дѣся и упоминаемая иногда въ отводныхъ земельныхъ оконахъ въ видѣ живыхъ урочищъ „землицы шатчина, нижеломовца и друг. виородцевъ съ указаніемъ фамилій.

Во въ сомнѣніи, еще большее число тѣхныхъ побитителей принадлежатъ къ себѣ въ то время на рыбныя ловли сама Волга. Наибольше крупными владельцами рыбныхъ ловель на ней съ самаго начала 17-го вѣка были московскіе Чудовъ и Новоспасскіи и Троице-Сергіи въ монастыри, строившіе ватаги для рыбного промысла преимущественно на островахъ Волги до самаго Царыцина и высылавшіе на нихъ своихъ крестьянъ на промыселъ „только съ весны до полуліта“. Эти ватаги послужили началомъ

⁷⁸ „Поволжье въ 17-мъ и 18-мъ вв.“, стр. 223-а и 224 ч, прилж. 2-е. По архиву и находилъ бобровыя шкуры въ устьяхъ Сердобожки и Горичинскаго цу.

къ возникновенію впоследствии самыхъ значительныхъ поселеній на Волгѣ и, между прочимъ, городовъ Хвалынска и Вольска.

Мои предшественники по исторіи населенія Саратовскаго края (покойныи Артемьевъ, а за нимъ и другіе) единогласно относя начало этого населенія къ началу до основанія Саратова, утверждали, по разнымъ соображеніямъ, что первыя поселенія возникли въ западной части края и, не подтверждая своего заключенія никакими документальными указаніями, ссылались лишь на существовавшіе въ край разбой воровскихъ казаковъ и черкесовъ, противъ которыхъ уже въ 1589—1841-мъ годахъ царьщій и саратовскій воеводы высылали стрѣленкіе отряды на Терешку, Медвѣдицу и др. рѣкп. Но и въ западныхъ, смежныхъ съ нашимъ краемъ областяхъ колонизація началась не ранѣе половины 17-го или начала 18-го вѣка. Такъ, въ южной или степной, не населенной исконн мордвою, части Тамбовской губерніи, ода, по пысканіямъ г. Губасова, могла начаться лишь съ построеніемъ въ 1636-мъ году Козловы и Тамбова и сторожевой черты, направившейся чрезъ эти города, и началась въ усвоенныхъ размѣрахъ только въ началѣ 18-го вѣка: *первая дорога* на караванномъ пути изъ Царицына въ Тамбовъ въ половинѣ 17-го вѣка начинались лишь на тамбовской окраинѣ, какъ видно изъ приведеннаго выше наказа станицѣ отправленной въ 1654-мъ году съ царскими лошадьми изъ Астрахани въ Москву. Воронежская губернія по извѣстіямъ г. Германова, исключеніемъ лишь сѣверо-западной ея части, до конца 17-го вѣка представляла пустую степь, совершенно открытую для набѣговъ татаръ, и степь заселяться въ концѣ 17-го и первой половинѣ 18-го вѣка. И, вообще, все пространство южной степной полосы, простирающейся на западъ отъ Саратовскаго Поволжья, начало заселяться немощно ранѣе послѣдняго и, следовательно, не могло предоставить ему избытка поселенцевъ. Населеніе пензенскаго края, какъ показали мои изысканія, началось лишь послѣ основанія Саратова.

Что касается ссылки на воронежскихъ казаковъ и прочихъ грамотной на Волгѣ, Медвѣдицѣ и др. рѣкахъ, то нѣтъ сомнѣ-

жденія очень легко объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣтнее время саратовскій край былъ посѣщаемъ, какъ я уже показала, множествомъ торговыхъ судовъ и массою приходившаго на отхожіе промыслы люда (бортниковъ, рыболововъ и проч.), которые и подвергались нападеніямъ этихъ грабителей. Постоянный поселенецъ того времени могъ находить себѣ здѣсь мѣсто лишь подъ защитой города и его гарнизона; но и при той защитѣ, какъ мы уже видѣли, до 1720-го года не имѣлъ возможности заняться земледѣлемъ.

Извѣстный французскій путешественникъ и миссіонеръ 17-го вѣка іезуитъ Фидишъ Аврель, прибывъ изъ Грузіи въ Астрахань, выѣхалъ отсюда въ Москву 19-го октября 1687-го года на палубовомъ суднѣ, нагруженномъ рыбою для царскаго стола, которое шло лишь до Саратова. Путники прошли мимо Черваго Яра и Царпыка и не успѣли доѣхать болѣе 200 верстъ до Саратова, какъ Волга замерла. Товарищъ Авреля по путешествію, патеръ Бовель, долженъ былъ отправиться въ путь прислужкой пѣшкомъ по совершенно пустынной и весьма снѣжной дорогѣ въ Саратовъ для того, чтобы добыть тамъ сани, которыя и прибыли съ проводниками болѣе чѣмъ мѣсяцъ спустя. Только-что путники проходили въ путь, какъ въ видѣ нежданнаго нападенія татаръ въ 10 человекъ на лошадахъ и верблюдахъ и не ограбили ихъ лишь потому, что вырванъ былъ оруженъ огнестрѣльный оружіемъ. Черезъ 10 дней Аврель прибылъ въ Саратовъ, гдѣ былъ весьма радушно принятъ и застѣпенно помѣщенъ въ мужскій монастырь его добрыишимъ архимандритомъ, у котораго болшой путешественникъ отдыхать послѣ столь грустнаго пути. Онъ и, возвративъ извѣстныхъ свѣдѣній о Саратовѣ, отправился далѣе въ Москву. Мы употребили говорить о немъ въ первые три дня нашего путешествія, говоря, что онъ не имѣлъ ни лошадей, ни верблюда, ни проводниковъ, по правдѣ говоря, это было трудное изъ всего нашего пути, потому что приходилось везти съ собою дрова, воду и кормъ для лошадей, тяжесть которыхъ немного утомляла ихъ. Но ничего подобнаго намъ не пришлось уже испытывать послѣ того, какъ мы достигли Пензы—маленькаго городка, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ болшой

невоздѣланной равнины, которую намъ необходимо было проѣхать. Затѣмъ мы останавливались каждый день уже въ поселкахъ, чтобы провести ночь подъ кровлей, если только намъ не приходилось забираться въ нѣкоторые изъ тѣхъ ужасныхъ тѣсовъ, которые нельзя было проѣхать въ теченіе дня". На этомъ пути на Пензу онъ встрѣтилъ, между прочимъ, мордву и касимовскихъ татаръ. Къ своему путешествію авторъ приложилъ карту Россіи, „снятую съ оригинала въ московской канцеляріи“, какъ говорить онъ, и изображающую Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги.

Путешествіе Авреля окончательно убѣждаетъ всякаго непредупрежденнаго читателя въ справедливости сдѣланнаго мною заключенія. Этотъ путешественникъ проѣхалъ Саратовское Поволжье отъ Царицына на Саратовъ и Пензу по дорогамъ царицынской и московской. Т. е. путемъ, наиболѣе въ то время въ этомъ край безопаснымъ, по которому совершались всѣ правительственныя и частныя сообщенія. Если на всемъ этомъ пути до Пензы онъ не встрѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ жилья и если даже вокругъ самаго Саратова, подъ его защитой, не могли еще возникнуть сельскія поселенія, то очевидно, что нашъ край въ двухъ-трехъ городовъ не былъ пока обитаемъ осѣлымъ населеніемъ. Лишь послѣ того, какъ томово-пензенская сторожевая черта была продолжена до Волги у Сызрана, на сѣверѣ саратовскаго края возникли первыя сельскія поселенія и въ 1698-мъ году гор. Петровскъ. Голландскій художникъ де-Бруинъ, проѣхавшій въ 1703 и 1707-мъ годахъ тѣмъ же путемъ, что и Аврель, нашелъ уже два-три поселенія между Петровскомъ и Пензою и столько же на Волгѣ выше Саратова. Около послѣдняго разстилалось въ то время обширное цѣло поле ковыля, какъ это видно изъ жалованной ему грамоты 13-го марта 1701-го года „на выпускныя и табуныя настибца и на сѣныяе

⁸¹ „Путешествіе въ разныя страны Европы и Азіи“, Парижъ, 1691-го г., на франц. яз., стр. 139-я—152-я. „Ист. Россіи Соловьева“ г. 14-й, стр. 67-я.

покосы и лѣсныя уголья" Петромъ Великимъ. Эта пожалованная городу дача имѣла въ диаметръ около 80-ти верстъ.

Въ числѣ возникшихъ въ концѣ 17-го вѣка на Волгѣ выше Саратова поселеній первое мѣсто занималъ *городъ Основъ* (нынѣ Хвалыньскъ), который въ 1695-мъ году находился еще на островѣ ⁸¹⁾.

⁸¹⁾ Ист. Петра Великаго, г. П.-п., стр. 385-п.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Рисунок старика Саратова, находивший до сих поръ себѣ мѣсто въ разныхъ саратовскихъ изданіяхъ, изображающій Саратовъ среди горнаго пейзажа и приписываемый обыкновенно Олеарию, не принадлежитъ Олеарию и представляетъ совершенно произвольную перетяжку, сдѣланную издателемъ его „Путешествія“ въ переводѣ на французскій языкъ, неказившимъ самый текстъ „Путешествія“ и снабдившимъ его картою Воуп, которая такъ приписывается иногда Олеарию. Мы взяли подлинный рисунокъ старика Саратова, сдѣланнаго Олеариемъ въ 1636-мъ или вѣроятно въ 1635-мъ году (на его обратномъ пути изъ Персія) и приложенный имъ къ 3-му и послѣднему изданію его „Путешествія“, вышедшему въ Штутгартѣ въ 1683-мъ году. Этотъ рисунокъ, очевидно, снятъ имъ съ восточной стороны, съ рѣчки Саратовецъ, которая, обогнувъ въ видѣ дуги южный конецъ Саратова, впадаетъ въ Застѣвную воложку — заднею отъ зрителя стѣною города, расположеннаго длинною гороною вдоль этой воложки. Стѣны, какъ видно на рисункѣ, состоятъ изъ земляной кладки, обсаженной у подошвы деревьями и терпящаго тына съ башнями, поднимающимися надъ деревьями. Башни города обыкновенно принимались за церкви или мечети.

2.

Извлеченіе изъ приговора, постановленнаго надъ Разиннымъ 6 іюня 1671-го года (Арх. М. Им. Д. довскія дѣла). „А учина такое проволочитъ изъ Астрахани пришелъ къ Царицыну, а съ Царицына къ Саратову, и саратовскіе жители въ городѣ сдали по твоей пороческой присягѣ. А какъ ты, воръ, пришелъ на Саратовъ и ты государеву денежную казну, и хлѣбъ и деньги, которые были на Саратовѣ у дворцоваго промыслу, все отграбиль и воеводу Козьму Лукохину в дѣлѣ боярскомъ отдалъ.“

33.

Изъ рѣшенія общаго собранія правительствующаго сената 11, 21 и 29-го сентября 1803-го года по дѣлу о землѣ гг. Нарышкиныхъ.

Именнымъ указомъ 1764-го года было повелѣно подѣлить поселеніе иностранцевъ занять округность земель между Дюномъ и Волгой ниже Чардымского острова. Во исполненіе сего указа при опекуновомъ межеваніи въ 1766-мъ году въ предѣлахъ нынѣшней Саратовской губерніи было отрѣзано у гг. Нарышкиныхъ (вѣроятно при с. Баландѣ и другихъ) 210246 десятины земель сверхъ 17-ми десятиной на душу ихъ крестьянъ пропорціи, противу чего они съ своей стороны возразили, что *сказанное количество земли принадлежало не къ колоніи иностранцевъ жителямъ было пожаловано въ 1699-мъ году (1691) по фирмѣмъ цесарю* въ предку боярину Илѣ Квирловичу Нарышкину. Велѣдено было, послѣдовавъ 2-го января 1800-го года высочайшимъ указомъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Входяли мы въ разсмотрѣніе обстоятельство дѣла о присвоаемыхъ Нарышкиными землѣхъ, отрѣзанныхъ изъ владѣнія ихъ и другихъ селеній, и, по соображеніи изданной ихъ грамоты, описанія въ писцовыхъ книгахъ, досмотру помѣстнаго приказа и другихъ основаній, усматриваемъ бывшую издревле и вошедшую въ пожалованіе необыкновенную обширность и значность сего имѣнія, какъ въ разсужденіи самой Ковошевои волости (Шапкаго Мѣда), такъ навсѣмъ состоящихъ при ней борныхъ угодьевъ, изъ коихъ хотя 469 писаны безъ земель, на которыя и права по нимъ въ силу (мелкой) инструкціи не полагается, прочіе же, затѣмъ, 308 угодьевъ писаны и пожалованы именомъ со всѣми дѣсами, дугами, дикими полями и степями на рр. Хопрѣ, Мечвѣдигѣ, Воронѣ, Еланѣ и прочихъ, текущихъ по Саратовской и другимъ смежнымъ губерніямъ, со впадающими въ нихъ рѣчками и притоками. А потому было повелѣно возвратить Нарышкинымъ отрѣзавныя у нихъ 210246 десятины въ Саратовской губерніи и, въ томъ числѣ, затѣмъ 255464 десятины, т. е. половину отрѣзанныхъ земель, въ ихъ селеніи, земли съ тѣмъ, чтобы они

прекратили въ свои вѣки и дѣл. по древнимъ бортымъ указамъ.

4.

Для необходимыхъ справокъ приводимъ имена саратовскихъ воеводъ, о которыхъ намъ удастся найти документальныя указанія. Въ 1590 и 1591-мъ годахъ въ Саратовѣ были воеводами кв. Г. О. Засѣкинъ и Ѳ. М. Туровъ, въ 1597-мъ году Н. Г. Вольнскій, въ 1609-мъ году Замятня-Сабуровъ, въ 1617 и 1618-мъ годахъ кв. О. И. Черново-Оболенскій, въ 1619 и 1620-мъ годахъ кв. Ѳ. Т. Черново-Оболенскій, въ 1621-мъ году кв. Е. Мышепкинъ, въ 1622-мъ году К. Шустеринъ, въ 1623—1625-мъ годахъ Ѳ. И. Чемофановъ, въ 1626—1629-мъ годахъ Г. Н. Орловъ, въ 1630 и 1631-мъ годахъ С. И. Чемесовъ, въ 1632-мъ году А. Ѳ. Наумовъ, въ 1633-мъ году С. В. Чемесовъ, въ 1635 и 1636-мъ годахъ Г. И. Феофилачевъ, въ 1630-мъ году кв. Ѳ. Бяратинскій, въ 1651-мъ году Феофилачевъ, въ 1652 и 1653-мъ годахъ А. И. Чвриковъ, въ 1655 и 1656-мъ годахъ В. Нелдинскій, въ 1657 и 1658-мъ годахъ Н. Головинъ, въ 1659 и 1660-мъ годахъ Д. В. Хигровъ, въ 1661 и 1662-мъ годахъ И. И. Касаговъ, въ 1665-мъ году кв. Путятинъ, въ 1666-мъ году кв. И. Чиряпкинскій, въ 1670-мъ году К. Лутохинъ, въ 1672 и 1673-мъ годахъ Ѳ. И. Леонтьевъ, въ 1674—1676-мъ годахъ М. И. Глѣбовъ, въ 1680-мъ году Г. Исуповъ, въ 1683 и 1684-мъ годахъ кв. Ѳ. М. Козловскій, въ 1685-мъ году М. Кологривовъ, въ 1692-мъ году Н. С. Нестеровъ, въ 1695 и 1696-мъ годахъ А. И. Ляпуновъ, въ 1700 и 1701-мъ годахъ А. И. Новосильцевъ.

По утверждению А. Д. Градовскаго воеводы назначались въ города въ 16 и 17 мѣ въѣхавъ лишь на одинъ годъ, назывались городовымъ или годовыми воеводами въ отличіе отъ волковыхъ или ратныхъ воеводъ и смѣнялись въ началѣ гражданского года, т. е. 1-го сентября (Ист. мѣстн. управл., стр. 290, 297 в прилож. стр. IX). Вѣроятно, по особымъ соображеніямъ они первоначально оставлялись на должности въ теченіе 2-хъ и болѣе лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Глава I-я. Саратовское Поволжье въ эпоху классической древности.	5
Глава II-я. Хазары, Печенѣги. Булгары, Буртасы, Мешеры, Мавяры, Башкиры и Кипчаки или Хвѣтисы.	12
Глава III-я. Половцы или Кипчаки, Монголы и Татары. Путешествія Рубруквиса и Пото. Золотая орда, ея города и улусы; ея древнѣйшія карты.	24
Глава IV-я. Нашествіе Тамерлана. Путешествія Аоан Никитина и Амвр. Конгарина Поганскіе татары. Соображенія по вопросу о возникновеніи здѣсь первыхъ русскихъ поселеній. Саранская епархія и ея значеніе. Путешествія А. Девкинсона и Хр. Борро. Устройство первыхъ сторожевыхъ стѣнъ и ральядовъ. Чертежъ Фед. Борисов. Годунова.	37
Глава V-я. Основаніе русскихъ городовъ Самары, Саратова и Царицына. Развѣтны Саратова на лѣвомъ берегу Волги. Одновременное существованіе въ 17-мъ вѣкѣ различныхъ частей Саратова на обоихъ берегахъ Волги, по указанію документовъ и свидѣльствъ путешественниковъ: Озарія, Виглена и Стронса.	50
Глава VI-я. Перенесеніе Саратовской крѣпости или острога съ лѣваго берега Волги на правый. Древній караванный путь изъ Астрахани въ Москву чрезъ Саратовское Поволжье. Важнѣйшія историческія событія въ краѣ въ 17-мъ вѣкѣ. Топографическія и статистическія указанія о Саратовѣ въ концѣ этого вѣка. Древніе отхожіе промыслы или убожаніе въ Саратовск. Поволжьѣ и время основанія въ немъ первыхъ сельскихъ поселеній. Путешествіе Фид. Аврита.	64.
Приложенія.	78

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Страница.	Наименованіе	Слѣдуетъ читать
12	20	Городъ	13 стр.
21	въ прил. 16-мъ	ч. 1-я. стр. 421—452	стр. 327 и 407
21	въ прил. 16-мъ	—	стр. 313 и т. IV. ст. о Мисарльхъ с. Маломъ стр. 63 и др.
28	28	Salva Regina	Salve Regina
37	38	Самодѣя	самодѣя
61	116	на Церковно	на Церковно
—	117	ианѣ	ианѣ
72	11	иануари	иануари
—	27	иануари	иануари
73	29	иануари	иануари
—	24	иануари	иануари
74	31	иануари	иануари
75	29	въ прил.	въ прил.
78	17	прил. 16-мъ	прил. 16-мъ